

18+

КИРИЛЛ ЛЯТС

Гитлерград



Кирилл Ляте Гитлерград

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56558392

ISBN 9785005112866

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Действие происходит в 1960 году. Между Третьим Рейхом и Советским Союзом заключено перемирие, по которому за Рейхом остался и Новгород, и Ленинград, переименованный в Гитлерград. Для проведения мирных переговоров в Москву направляется посольство Германии Посольство атаковано. Расследование ведет совместная бригада следователей.

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	13
4	18
глава 2	19
5	19
Глава 3	27
6	27
7	29
8	32
9	37
Глава 4	39
10	39
11	43
12	44
13	45
14	46
15	50
Глава 5	51
16	51
17	57
Глава 6	60

18	60
19	66
Глава 7	70
20	70
Глава 8	77
21	77
22	80
Глава 9	87
23	87
24	95
Глава 10	99
25	99
Глава 11	108
26	108
27	113
28	115
Глава 12	119
29	119
30	125
31	128
Глава 13	130
32	130
33	139
Глава 14	141
34	141
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Гитлерград

Кирилл Лятс

© Кирилл Лятс, 2020

ISBN 978-5-0051-1286-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Вольдемар шел по вечернему городу. Навстречу шла веселая толпа, горланившая баварские песни. Сегодня была пятница, и можно было позволить. Трое парней и четверо девушек, хохотавшие видимо от недавно выпитой полрюмочки шнапса, – вряд ли больше, сейчас в Гитлерграде готовили такой шнапс, что можно было слететь с катушек с полной рюмки, сразу видно, что русские технологи, работавшие на Баварии, внесли свой древневодочный вклад в рецептуру, – перекрыли половину Маннергейм-штрассе, бывший Невский. Веселые фольксвагены жуки, бибикая, старались их объезжать, а какой-то опель-грузовичок плелся за последним баварцем, по-видимому, никуда не спеша.

Вольдемар зашел в одну из многочисленных подворотен, скользнул взглядом по стенам типичного двора-колодца, которыми славился город, который немецкие жители между собой злорадно прозвали Гитбургом (*git – мерзавец, по-немецки), и остановился на голубеньких шторках третьего этажа. Они были закрыты.

– ясно, сюда больше ходить нельзя, – подумал Вольдемар и, быстро развернувшись, столкнулся с одним из поющих ба-

варских парней, который был уже вполне трезв.

– герр Штольц?

– да

– герр гаулейтер вызывает Вас к себе

– сейчас?

– немедленно, герр Штольц, следуйте за мной.

Вольдемар с баварцем снова вышли на Маннергейма и пошли в сторону Адмиралтейства, которое с 1944 года стало зданием администрации восточных земель. Собственно, там и располагался кабинет гаулейтера Хеннинга фон Трескова.

2

Хеннинг Герман Роберт Карл фон Тресков стоял у любимого окна с видом на Маннергейм-штрассе, угадывая вдали, у московского вокзала статую финского генералиссимуса, венчавшую переименованный в его честь Невский проспект. Фон Трескову не удалось переубедить Бормана не называть Ленинград в честь этого конченного придурка, которого он, тогда еще первый офицер Генерального штаба группы армии Центр, самолично подорвал в Смоленске в марте 43го.

Находившийся тогда в Берлине, и ставший тогда канцлером Мартин Борман, опередивший застрявшего в войсках Геринга, вызвал Трескова и поговорил с ним начистоту.

– Хеннинг, – начал Борман, – я догадываюсь, что наш фюрер погиб не от гранаты смоленских партизан, а с Вашей помощью. Мюллер мне доложил мне, что за вашей организацией давно ведется наблюдение, ваши взгляды противоречат идеям нашего фюрера и вы явно тяготитесь великой миссией Германии

– господин Канцлер...

– не перебивайте. Вы знаете, что мы все устали от Адольфа, и, в общем, мы решили, что не так уж и важно, как он погиб, но мы, для важности дела, будем считать, что погиб он геройски, в борьбе с врагами, согласны, Хеннинг

– да, мой фюрер!

– брр... давайте без этой адольфовщины... пожалуй, вернемся к гражданскому обращению, которое было при Гинденбурге. Просто – Канцлер.

– яволь!

– а вообще, можете называть меня Мартин, не публично, конечно, а когда мы тет-а-тет. Все таки, мы многим Вам обязаны, герр Тресков

Гаулейтер вспомнил этот разговор и улыбнулся. Сколько времени прошло – целых 17 лет.

Тогда, весной 43го, Борман поручил фон Трескову немедленно начать со Сталиным переговоры о перемирии, которое и было заключено 22 апреля 1943 года. Демаркационная линия проходила по линии фронта, при этом Ленинград переходил Германии и ее союзнику Финляндии.

Через полгода Борману удалось договориться с Маннергеймом о передачи города в исключительное владение Рейху, после чего туда была перенесена ставка управления восточными территориями, а фон Тресков был назначен гаулейтером.

– разрешите? – Вольдемар зашел в кабинет гаулейтера

– входите, Штольц, входите, как раз думаю о Вас. Присаживайтесь.

Собеседники расположились на мягких имперских кожаных диванах, которые фон Тресков привез с собой из Берлина.

– Надо бы их заменить, – подумал гаулейтер, впрочем, он думал так каждый раз, когда присаживался на диван, но так и не менял. Запах Берлина и молодости всякий раз его оставивал. – Я попросил Вас зайти, чтобы обсудить важное поручение. Вы же, как я понимаю, из русских немцев?

– Не совсем так, герр фон Тресков, отец мой был из них, но уехал из России еще до первой мировой. Я родился уже в Дрездене.

– тем не менее, насколько я знаю, Вы возвратили себе фамильную квартиру на Гороховой, прямо рядом с Гестапо, и какое-то имение под Смоленском.

– Так точно, герр гаулейтер, в конце сороковых, когда на восточных землях возвращали экспроприированное у немцев, мне удалось вернуть некоторое отцовское имущество.

– Похвально, то есть у Вас есть в крови что-то русское, не может не быть.

Гаулейтер снова посмотрел в окно.

– Знаете, Вольдемар, мы сейчас назначаем посла в Москву...

Штольц вытянулся и щелкнул каблуками

– Нет-нет-нет, Вам я не предлагаю быть послом. Туда поедет Криста-Венфридис Шуленбург, по стопам отца, так сказать... хороший был человек, – фон Тресков посмотрел куда-то вдаль, – Вам я хотел дать особое задание, поедете под видом коммерсанта, но Ваша цель – определить намере-

ния Советов. Ходят слухи, что они опять готовятся к войне. Нам бы не хотелось этого.

Посмотрите, пооботритесь там. Может поможете наладить какие-то коммерческие связи. Главное же, попробуйте войти в доверие к Жукову. Все зависит от него. Ну и докладывать будете только мне.

– это не военная операция? Абвер не расстроится, что все проходит мимо него?

– не расстроится, я согласовал это с Борманом, – Гаулейтер нажал на кнопку вызова адъютанта, – Альфред, позовите Клауса.

В кабинет вошел давешний баварец, который выследил и привел сюда Штольца.

– Клаус, познакомьтесь со Штольцем поближе, а завтра обеспечьте его всем необходимым для отправки к Советам. И да, Вы едете с ним в Москву. Поговорите с Сименсом, чтобы они подготовили все бумаги. До свидания, господа!

Фон Тресков пожал обоим руки и проводил до дверей.

Помимо управления восточными землями, на нем лежала задача поддерживать отношения с Советами, которые оставляли желать лучшего. Жуков, который сменил Сталина на посту Генсека ВКП (б) в 53м, жаждал реванша. Он не мог простить покойному генералиссимусу мирного соглашения с немцами после ряда одержанных им лично побед. Фон Тресков его понимал, но сегодня не 43й, а 60й, Германия уже запустила человека в космос, владеет атомной бом-

бой, сосредоточила в своих руках всю индустриальную мощь Европы – неужели Жуков не понимает, что война будет кровопролитной и изнурительной?! Безусловно нужен человек, который его убедит в никчемности примитивных порывов. Лучше все-таки заключить мирный договор и жить дальше, переходить от взаимной подозрительности к сотрудничеству.

Именно этого ждал гаулейтер, отправляя Штольца в Москву.

3

Тем временем Вольдемар в сопровождении Клауса отправились в Сенат – подвальная пивная у памятника Петру Первому, великому российскому царю. В Сенате было накурено, на стойке танцевали русские девицы, хотя и парочка немецких фройляйн кокетничала рядом с подвыпившими посетителями. Немецкая, финская и русская речь вперемешку создавала приятный гул гитбуржской пятницы.

– Пойдем к нашему столику, – Клаус показал рукой в дальний угол, где Штольц увидел всю ту же знакомую компанию. – Гретхен, Анхен, Фриц, Альберт, Анна-Мария, Барбара – представил Клаус своих друзей.

Вольдемар пожал всем руки и присел рядом с Гретхен.

– хочешь выпить? Шнапс, водка, пиво? – Гретхен уже звала кельнера, энергично размахивая слегка пьяной рукой

– пожалуй выпью пива, завтра рано вставать

– милый, – Гретхен уже почти висела на его плече, – ну зачем рано вставать в субботуууу?! А?

– дела, фройляйн!

– Гретхен

– дела, Гретхен, -Вольдемар дал кельнеру 2 рейхсмарки и попросил принести всем пива

– мне шнапса! – успел вставить Клаус

– зер гут, метр пива и бутылочку шнапса

– ты мой герой! – крикнул Клаус и погрузился в созерцание бездонной пропасти в декольте Анны-Мари.

– Пойду покурю – Вольдемар достал любимый дрезденский Империмум и стал продираться к выходу.

На улице было чудесно. Вольдемар вышел на набережную и облокотился на гранитную плиту. Перед ним плескалась ночная Нева, перемывая волнами звезды северного неба. Пахло морем и надвигающимся летом.

– интересно, наверняка тут прогуливался мой дед, и прадед тоже... теперь вот и я в этом городе, удивительно

– ты куда убежал?! – Гретхен бесшумно подошла и обняла его сзади.

– вышел покурить, подумать

– дай сигаретку, – девушка развернулась спиной к реке, изогнувшись и впившись Вольдемару в глаза своей слегка пьяной улыбкой

Штольц протянул ей пачку. Гретхен подцепила ухоженными ноготками сигаретку и прикурила от зажженной Вольдемаром спички. Глубокая затяжка и томный горячий выдох....

– знаешь, так здорово, что Клаус привел тебя к нам. Я тогда еще на улице тебя увидела и подумала, вот бы познакомиться с таким породистым парнем. Не поверишь, но Клаус оказывается искал именно тебя, вот сволочь, он позвал нас прогуляться, но повел нас именно туда, где мы тебя встретили

– да, я так и понял, что все это было не случайно, он меня нашел потом.

– да, он нас бросил и пошел за тобой, а потом привел тебя в Сенат. Люблю это место. Самое вкусной баварское пиво именно здесь. Ты знаешь, что тут открыли огромную пивную фабрику. Отец Альберта. Да, он такой богач, этот Альберт. Ну ничего, Анна-Мария его немножечко подразорит... – Гретхен начала хохотать и закашлялась.

– наверное тебе не стоит курить, – Вольдемар взял сигарету из пальцев девушки, – слабые легкие

– перестань, я курю уже 10 лет

– а сколько тебе? – Штольц взял Гретхен под руку, и они медленно пошли в сторону Иисакия

– 25, я уже взрослая девочка!

– давно в Гитбурге?

– 7 лет здесь, приехала вместе с Клаусом и Анной-Марией. Мы учились в одной гимназии в Ростоке, его позвали в управление Восточными землями, и он предложил поехать с ним. Все равно в Ростоке скучно, а здесь такая жизнь! – Гретхен снова захохотала и закашлялась. – только по родителям немного скучаю. Но я им звоню. Почти каждый день. С работы это бесплатно.

– а я здесь с 45 го, уже 15 лет. Здесь жил когда-то мой отец, он погиб еще в Первую мировую при Вердене. Я родился за год до его смерти

– оооо, так ты старичок, а на вид и не скажешь! Женат?

– нет, как-то не довелось

Гретхен взглянула на кавалера с новой стороны и обняла его руку двумя ладонями.

– пошли уже куда-нибудь, мне холодно, ветер!

– ты же из Востока – там такие же ветра!

– не знаю, видимо дома все было теплее, а здесь как начнет дуть, так просто кошмар!

Вольдемар снял с себя пальто и накинул на плечи Гретхен.

– ты же замерзнешь!

– да мы уже пришли, – Штольц достал из кармана связку ключей.

– в Гестапо?! – слева за высоким ампирым забором возвышалось серое здание секретной канцелярии.

– да нет же, – Штольц засмеялся, – мой дом напротив. Ужасное соседство, но ничего не поделаешь, это квартира моего отца, которая досталась теперь мне.

Он открыл парадную и включил свет. Гретхен проскользнула за Вольдемаром и скинула пальто.

– подожди, тут прохладно, а нам еще на третий этаж подниматься.

– ничего, я пробежусь. – Гретхен вспорхнула на ступеньки и понеслась в развевающемся платье на третий этаж

Вольдемар по-спортивному припустил за девушкой, но догнал ее только на втором этаже, и то, потому что она резко затормозила, развернулась и поцеловала его в губы.

– Подожди, не здесь, остался один этаж!

– а я не могу ждать целый этаж, – от нее волшебным пахло алкоголем и парижским «Magie»

– тогда ты целуй, а я подниму тебя к небесам, – Вольдемар подхватил Гретхен и пробежал с ней еще три пролета, проявил навыки открывания двери вслепую, толкнул дверь и донес свою фройляйн до глубокого кресла в гостиной.

– мы дома, – пойду заварю кофе, – Вольдемар включил телевизор и пошел на кухню.

В этот момент зазвонил телефон.

– Алло, ааа, Клаус. Да, я дома. Да... когда? Утром? Хорошо, заходи к 10 утра, я буду готов. Спокойной ночи.

– Клаус звонил, – крикнул Вольдемар из прихожей, – зайдет завтра утром. Они уже разошлись по домам, ну, или по крайней мере, он уже дома.

Штольц заварил кофе в маленькой турочке, разлил по чашечкам и понес в гостиную, прихватив с полки плиточку финского шоколада.

Гретхен мирно спала, свернувшись калачиком, в большом отцовском кресле. Вольдемар аккуратно перенес ее на кровать, укрыл пледом и погасил свет.

4

Его разбудил энергичный стук в дверь.

– майн Готт, кого это принесло в четыре утра! – Гретхен по прежнему тихо сопела под пледом. Штольц засунул ноги в тапочки и пошел в прихожую

– Кто?!

– откройте! Гестапо!

глава 2

5

В Ставке, которой назывался Большой Кремлевский Дворец с тех пор, как Генсеком стал Жуков, было, как всегда, не протолкнуться. Повсюду сновали офицеры, слышался характерный звон перескакивающих кареток, в кабинетах громкие голоса раздавали какие-то команды, сопровождая их отборнейшим матом, а на плацу перед дворцом без усталости маршировали солдаты.

Через Боровицкие ворота в Кремль влетел черный ЗиМ и попетляв немного замер у входа в Ставку. Из машины выскочил молодой офицер в мундире капитан второго ранга и отдав честь караулу быстро поднялся на третий этаж.

Жуков вместе с двумя генералами склонился над картой. Она ему, эта карта, и во сне снилась. С 43 года ничего на ней не менялось. Хотя он мысленно двигал по ней танки и разворачивал артиллерию. Но с заключенным перемирием приходилось считаться. А ведь как все славно было: победа под Сталинградом, чуть-чуть не дошел до Смоленска. Стягивали войска на южном направлении и почти прорвали блокаду Ленинграда.

Жуков снова вспомнил о тех славных сражениях. Он как

раз готовил наступление на Смоленск, когда ему позвонил Сталин: «Товарищ Жюков, хачу вас паздравить! Гитлер помер!», – сказал тогда Главнокомандующий ему по телефону.

– Бесконечно рад, товарищ Верховный Главнокомандующий! Это ускорит нашу победу!

– Падажди, Георгий! Здесь надо падумать!

Сталин думал пару дней, ни с кем не обсуждая и даже не общаясь. Потом снова позвонил Жукову: «Георгий, там в Смоленске, рядом с тобой, фон Тресков, порученец Бормана, нового канцлера Германии, хочет с тобой встретиться, обсудить условия перемирия. Поезжай, обсуди и обязательно подпиши».

Жуков был в этот момент под Белгородом, и до Смоленска, если не по минам и окопам, часов восемь ходу. Он и рванул. Из свиты только Курганский. Ну, восемь не восемь, за двенадцать доехали.

В полуразрушенном здании уездной администрации состоялась его первая встреча с Хеннингом фон Тресковым.

– господин Маршал, я хотел бы обсудить с Вами условия перемирия. Гитлер погиб, больше ни у кого в руководстве Рейха нет желания продолжать войну с Россией. Мы хотели бы предложить господину Сталину заключить перемирие и закрепить демаркационную линию по линии фронта, а позже уже подготовить мирный договор в рамках которого обо всем договориться

– господин Тресков. Я безусловно рад, что ваш Гитлер по-

гиб. Нашей стране его планы принесли много бед, но не кажется ли Вам, что стоило бы вернуть границы к соглашению августа 1939 года, когда мы были еще союзниками?

– господин Жуков, я понимаю Ваше беспокойство, но, поверьте, мы будем делать все возможное, чтобы восстановить добрососедские отношения, а для этого, как мы понимаем, нам надо будет договориться о границах.

Жуков повернулся к Курганскому:

– Коля, со Ставкой связь установлена?

– Так точно, товарищ Маршал!

– Соедини!

Жуков вышел в соседнюю комнату поговорить со Сталиным. Беседа длилась почти сорок минут. Пару раз он хотел бросить трубку, один раз даже чуть было не сказал: «Вы прямо как Троцкий, который сдал полстраны в Брест-Литовске», но сдержался, потому что это было бы последнее, что он вообще кому-то сказал.

В итоге Сталин категорично потребовал от Жукова подписать перемирие с разграничением по линии фронта.

– А Ленинград? Они просят Ленинград!

– Пусть забирают, ты патом атабьешь!

Сталин смалодушничал. Поверил Борману, что теперь все будет по другому, мир, спокойствие, сотрудничество.

Ну да, вернули всех пленных. Они все равно мимо прошли на новые стройки пятилетки. Стрелять, убивать перестали. Но сколько потеряли территорий! Почти вся Украи-

на, Прибалтика, Финляндии пришлось все обратно отдать, и самое главное Ленинград. И еще ведь, суки, специально его в Гитлерград переименовали. Чтобы мы зубами от злости скрипели.

Когда Сталин умер, Жуков по общему согласию стал руководителем страны. Собственно, больше никто и не мог бы удовлетворить потребность ее жителей в справедливости. Если к Прибалтике привыкнуть не успели, то Украина была плоть от плоти своя. Минск, Могилев, Смоленск – исконные русские земли, которые сегодня принадлежали немцам.

Такой мир никого не устраивал, и потому с Жуковым были связаны все чаяния и надежды.

А Жуков ждал уже 7 лет. Он понимал, что за сталинские десять лет перемирия Германия набралась сил. Последний враг Британия уже подписала с Борманом мирный договор и начала торговлю. Тем более, что Германия уступила Англии часть французских колоний и Исландию.

США были далеко, и после того, как ее не позвали к делу европейского пирога, отстранилась от дел старого света совсем.

Напряженными были только германо-советские отношения, да и то, постепенно все начали к этому привыкать.

В кабинет зашел адъютант Жукова полковник Курганский.

– Товарищ маршал, капитан второго ранга Гвоздев по Вашему приказанию прибыл!

– Пусть заходит.

Курганский открыл дверь и пригласил стоявшего в приемной офицера пройти.

– Ну что, капдва, добрался?

– Так точно, товарищ маршал.

– Подходи, полюбуйся, сколько нас осталось в Европе: англичане, Франко, Весь юг – Муссолини, остальное – немцы, черт бы их побрал. Финнов я не беру, ну и шведы, понятное дело, тоже роли не играют.

Вся континентальная Европа, кроме нас с Англией, считай фашисты. Да и то, Англичане мир то заключили, урвали себе всю Исландию заодно, хитрецы. Одни мы еще воюем. Сечешь?

– так точно, товарищ маршал.

– и что прикажешь с этим делать?

Гвоздев молчал, понимая, что маршал сам сейчас должен рассказать, что же с этим делать

– а! Молчишь, Гвоздев! И эти молчат, – они кивнули на двух генералов армии, что расположились по другую сторону карты.

– мы не молчим, Георгий Константинович!

– во! Не молчат, Гвоздев! Ну давай их послушаем, что ли!

Вперед, бойцы!

Один из генералов положил лапищу на карту в районе Балтийского моря:

– Ленинград надо забирать. Возьмем Ленинград, осталь-

ное сами отдадут.

– ну, положим, не все, Украину то им с чего отдавать. Там вроде у них все прекрасно. И население довольно, и экономика растет, – заметил другой

– так что, оставим все как есть?! Грозно посмотрел Жуков на окружающих, – так все и оставим, вашу мать?!

– товарищ маршал, можно обратиться? – капитан второго ранга решил на небольшую атаку

– валяй!

– а почему нам с ними не подписать с немцами мирный договор и по нему не попросить Ленинград обратно?

– не отдадут

– ну можно попробовать. Если это условие долгого мира, то почему бы и не отдать.

– эх, жаль Николай Герасимович не дожил, сейчас бы как вошел бы в Финский залив, как жажнул бы из всех орудий почище Авроры...

– прошу прощения, Георгий Константинович, у нас ведь нет кораблей в Финском заливе, если только с Ладоги на утлых суденышках да по Неве пройти, а из Мурманске вести, так фашисты у Киркенеса еще всех потопят. Не дойдем, – заметил один из генералов

– так, паникеры, освободили помещение! Мне с капитаном второго ранга поговорить надо

Генералы вышли.

– ты вот что, Гвоздев, ты же немецкий знаешь, у фирмачей

фашистских работал

– так точно, товарищ маршал

– поедешь в Ленинград, тут у нас оказия образовалась, фриц один при задержании сдох, а вертухай, что его оприходовал, тебя брал в 50м, знаю-знаю, не любишь вспоминать, все мы не любим... так он военной контрразведке заявил, что фриц тот, вылитый ты, да ты сам погляди, – маршал протянул капитану второго ранга немецкий паспорт. С фотографии на Гвоздева смотрел Гвоздев, только без усов.

– ничего себе!!! – аж присвистнул капитан, – бывает же такое

– да, и парень не просто абы какой баварец, а адъютант самого гаулейтера Трескова. Сечешь, капитан второго ранга?!

– секу, товарищ маршал, но не могу же я вот так вот заявиться к гаулейтеру и похлопать его по плечу, вот мол я, как его

– Клаус Хасс, – сказал маршал, – Клаус Хасс.... Не можешь, конечно, но есть там наш человек, с которым тебе придется пообщаться. Вращается в самый высоких кругах Гитлерграда, тьфу ты....надо же было так наш святой город испохабить! Свяжешься с ним, поживешь пока на явочной квартире, впитаешь информацию, потом технично займешь место этого Клауса. Иди, Курганский тебе дальше все объяснит

– Служу Советскому Союзу!

В приемной уже ждал адъютант Жукова Николай Курган-

ский.

– значит, Гвоздев, сегодня вечером самолет с Ходынки. Забросят тебя в Колпино, оттуда доберешься на S-Bahne ихнем до Ленинграда, ты должен в самолете переодеться и уже от Колпина говорить только по немецки. Если что, вот тебе пароли и явки в Колпино, Тосно и Шушарах. Если вдруг что произойдет, можешь установиться у наших товарищей. Но не злоупотребляй. Помни, что там ты уже не капитан второго ранга Советского Военно-Морского Флота, а штурмбанфюрер СС Клаус Хасс.

Приедешь в город, иди сразу на квартиру в Басковом переулке, 12, третий этаж. Там есть телефон. Позвонишь по этому номеру и договоришься с нашим человеком о встрече.

Да! Если все в порядке, шторы должны быть на кухне открыты. Ну, на всякий случай. Вот ключи. Все понял?

– так точно, товарищ генерал

– ну молодец, Гвоздев. Да, нашего человека зовут Вольдемар Штольц, не забудь.

Глава 3

6

– Куда вы его увозите?! – Гретхен металась по квартире от спокойно одевающегося Вольдемара к двум суровым гестаповцам, потом к секретеру на котором лежали сигареты. Нервно, трясущимися руками зажгла сигарету, затянулась, закашляла, снова подошла к гестаповцам и начала орать:

– Что вам от него нужно? Что он сделал?

– фрау, наше дело маленькое, прийти и забрать герра Штольца в Гестапо. В чем он виноват, та ему и скажут

– Безумие какое-то, просто безумие! Вольдемар, держись, я этого так не оставлю. Да, я сейчас позвоню Клаусу, пусть он звонит Гаулейтеру, – она энергично плюхнулась на кровать, возле которой стоял аппарат, и начала крутить диск. – Черт, черт, черт! – она несколько раз нажала на клавиши отбой, – никто не берет трубку. Может Анне-Марии? Да, точно... где у меня был ее телефон, – она залезла в свою сумочку и достала маленькую записную книжку... Алло? Анна-Мария? Привет, извини, что разбудила. Не знаешь, где Клаус? Тут у нас неприятности. Да, серьезные.

– фрау, мы рекомендуем вам не распространяться о том, что происходит, иначе заберем и вас, – тихо сказал суровый

гестаповец, подойдя к тараторящей Гретхен.

– гут, Анна-Мария, если Клаус появится, пусть срочно позвонит Вольдемару. Вольдемар, какой у тебя телефон?

– 2-45-13, – ответил Вольдемар завязывая галстук. Ладно, я пошел, береги себя. Надеюсь, все разрешится.

Вольдемар в сопровождении двух гестаповцев вышел из квартиры, а обессиленная Гретхен свалилась на кровать и снова затянулась.

Потом вскочила, и пошла в ванную.

– Фамилия?

– Штольц

– Имя?

– Вольдемар

– где родился?

– Дрезден

– где жили до Гитлерграда? Адрес

– Дрезден, Аугсбургер штрассе, 7

– адрес в Гитлерграде?

– Гороховая 3

– соседи значит, родители?

– Андрей Штольц, погиб при Вердене, мать Елизавета Орлова.

– русская?

– да, мои родители из России, уехали до первой войны в Дрезден, а так все предки, о ком знаю, жили здесь, в Петербурге.

– кем вам приходится Грета фон Бюлов?

– о, даже так?

– отвечайте

– а даже не знал ее фамилии

– Вы хотите сказать, Штольц, что Вы не знали, что она работает в СС?

– нет, не знал, а что собственно случилось?

– здесь вопросы задаю я

Штольц пожал плечами.

– знали ли Вы некоего Клауса Хасса?

– да, несколько часов, как мы знакомы. Кажется, он адъютант гаулейтера

– когда виделись последний раз?

– вчера, или сегодня около часу ночи, мы были в пивной у Петра. Пошли туда после совещания у губернатора

– кто там еще был?

– на совещании? Были офицеры какие-то, я не помню

– не на совещании, а в пивной. Там были какие-то знакомые Хасса?

– кто-то был, не помню, я почти сразу ушел

– один?

– Вы же знаете, что не один. С фройляйн фон Бюлов

– и больше не слышали о Хассе?

– слышал, мы с ним созвонились. Он мне позвонил. Где-то пол третьего наверное. Я уже ложился спать. Договорились встретиться утром. Может вы скажете, что случилось? Зачем меня допрашивают?

В это время в комнату допросов зашел какой-то унтер и пригласил следователя к телефону....

Вольдемар остался один.

– Интересно, – подумал Вольдемар, – почему они схватили меня но допрашивают по поводу Клауса? Неужели они

его раскололи. Хотя по линии поведения следователя не похоже. Он бы так в лоб и спросил. А речь идет так, как будто им нужно собрать информацию о Хассе.

Ну и Гретхен. Удивительная барышня оказывается. Судя по фамилии, наверняка какая-нибудь правнучка великого канцлера...

8

А правнучка, точнее праправнучка великого канцлера в этот момент разговаривала по телефону со следователем:

– Ну как он?

– говорит немного, я так понимаю, все что было

– долго его продержите?

– я думаю, еще часок другой. Дальше может уже аппарат гаулейтер прознает, придется выпускать.

– хорошо, подержите его сколько сможете, как отпустите, дайте знать. Позвоните ему

в квартиру, дайте два гудка и положите трубку.

– яволь, оберштурмбанфюрер!

Грета фон Бюлов повесила трубку и вернулась к своей за-
даче. Вся квартира Штольца представляла собой побоище.
Как будто здесь побывали либо борцы сумо, либо группа
мальчиков из киндергардена. Все книги и журналы валялись
по полу, дверцы шкафов открыты, а ящички секретера вы-
нуты...

– Должно же что-то быть, – думала Гретхен, – хотя сама
не понимала, что она ищет.

То есть она понимала, зачем она ищет. По ее информации,
Вольдемар был человеком Советов, хотя никто пока не мог
этого доказать. Но Гретхен хотела в этом убедиться, чтобы
использовать Вольдемара, а не сдать его гестаповцам. Поэто-

му и весь этот цирк с утренним задержанием и допросом. Она знала, что будут расспрашивать и про нее – сама попросила так сделать, чтобы не вызвать подозрения. А ей нужно было время, чтобы осмотреться.

Искать что-то компрометирующее на русском языке бессмысленно. Во-первых, это дом его отца и деда, которые были россиянами, и говорили и читали на русском – в результате действительно в шкафу оказалось несколько дореволюционных книг. Было много и всякой революционной макулатуры, включая две связки журналов Чиж и Еж, а также подшивка газеты Безбожник.

Похоже, сюда въехал какой-то большевик-интеллигент, у которого, видимо, Вольдемар потом квартиру и забрал. Хотя, может бывший хозяин и на фронте погиб.

Грета фон Бюлов только год назад завершила работу над операцией «Мадагаскар», за что получила орден Золотого Орла и благосклонность самого Бормана, после чего она была переброшена на «советский фронт». Рейхсканцелярия догадывалась, что Жуков вынашивает идею реванша. Нужно было предотвратить самую такую возможность. В Берлине предполагали, имея на то все основания, что без Жукова Советы воевать не будут. А значит нужно было убрать легендарного маршала, и Грета была одной из тех, кому была поручена эта задача.

По сравнению с ней, операция «Мадагаскар» казалась фройляйн прогулочным круизом. Чуть более пяти лет на-

зад, когда ей было лишь 20 лет, Третий Рейх завершал переговоры с Великобританией и США о мирном договоре. Собственно, как и Советы, англичане долго не соглашались на условия договора, предложенные Германией. При чем ладно Россия, у нее забрали добрую часть европейской территории, но бритты же наоборот получили и французские колонии (не все, конечно), и Исландию. Так они еще планировали забрать часть португальских (Франко послал всех к черту и заявил, что захватит Гибралтар, если только маленькая английская туфелька ступит на территорию, которую он уже считал своей, т. к. Португалия была в 44м присоединена к Испании).

Но самым сложным вопросом, который долгие годы мешал подписать межанглосакский мирный договор, был еврейский.

После смерти Гитлера концлагеря были закрыты, и евреев вернули в свои гетто. Но Борман оставался поборником решения еврейского вопроса, пусть и не в окончательном варианте. Поэтому он начал переговоры о довоенном плане переселения евреев на Мадагаскар.

Грете еще было 10 лет, когда впервые переговорщики стали обсуждать великое переселение. В 1955 году, будучи лидером Союза немецких девушек и студенткой Геттингского университета, Грета фон Бюлов была привлечена сотрудниками Рейхсканцелярии в качестве переводчика (она выучила в Университете идиш, иврит, русский и, понятно, англий-

ский языки) к переговорам по проекту.

Предполагалось, что около 5 миллионов немецких евреев будут экстрадированы на Мадагаскар. После присоединения Франции к Третьему Рейху Мадагаскар стал так же его колонией, которой он готов был бы пожертвовать ради дела. Требования англичан и американцев просто запретить гетто рассматривались как неприемлемые.

Грета вместе с отрядом эсэсовцев и несколькими этнографами из родного университета, в составе делегации под руководство Альберта Шпеера полетела на Мадагаскар. Самое интересное, что представители Сименса и Круппа также отправились на этот остров, чтобы предложить разместить на острове несколько своих предприятий. Они понимали, что со временем Мадагаскар может стать интеллектуальным и промышленным центром для все Африки и хотели застолбить свои позиции.

Грета за месяц объехала со Шпеером весь остров и наметила места для размещения поселений. Чтобы внести элемент теплоты во все это начинание, решили дать поселениям имена европейских городов, из гетто которых будут переселять новых жителей: Варшава, Краков, Витебск. Понятно, что исконно немецкой топонимики не предлагалось.

По итогам поездки Грета и Шпеер подготовили для Бормана план, по которому немецкие промышленники вкладываются в строительство на Мадагаскаре поселений и производств с созданием 3 млн рабочих мест, а английское и аме-

риканское правительства выделяют средства на переезд евреев на новое место.

Надо сказать, что прошло все как и планировалось. За три года почти 4 млн евреев были перевезены из своих гетто и обустроены на Мадагаскаре. При этом, Рейхстаг принял поправку в закон о перемещении еврейского населения, по которой любой еврей мог купить возможность остаться на европейской территории Рейха, если внесет в бюджет 20 млн рейхсмарок за каждого члена своей семьи и пройдет специальную комиссию по акцептации.

На момент завершения программы переселения в метрополии осталось 732 еврейские семьи.

Так как протекторат над Мадагаскаром у Германии сохранялся, Борман с легкой иронией учредил должность Прокуратора и назначил на нее Шпеера. По началу на острове разместили для предотвращения побегов отряд Ваффен СС, но потом оказалось, что всем тут нравится, на остров стали перебираться еврейские поселенцы из Палестины, и даже немецкие сотрудники промышленных гигантов Третьего Рейха не только стали переезжать на Мадагаскар семьями, но и заманивать своих друзей.

Грета же покончила с островной эпопеей и переключилась, по заданию Бормана, на борьбу с СССР.

Здесь было все сложнее. И противник намного решительнее.

Она была уверена, что ГРУ прекрасно знало, кто она, а потому не могла сама поехать в Москву и заняться вербовкой агентов, способных выполнить главное задание.

Ей нужен был кто-то, кто легально мог бы подобраться к Жукову, не вызывая подозрений.

Сначала она подумала, что таким человеком мог бы быть Клаус Хасс. Она его знала еще по университету, хотя он был старше ее, он преподавал на ее курсе. Читал немецкую философию. Потом вдруг исчез и обнаружился уже в СС, где занимался обеспечением безопасности высших должностных лиц на присоединенных территориях.

Она несколько раз обсуждала с Клаусом возможность выполнения исторической миссии. Но потом он вдруг исчез почти на два месяца. Ходили слухи, что он отправился с секретным заданием на территорию Советов, но потом он вернулся. И кажется даже ее не узнал. Она с трудом заставила его вспомнить о разговорах, которые они вели ранее...

А вчера она встретила Штольца. Идеальный мужчина и кандидат на ее задание. Клаус ей успел сказать, что они

с Вольдемаром собираются с посольством в Союз. Чем не судьба?

Но стоило его проверить, для этого Грета и организовала утренний визит из соседнего здания: с одной стороны, посмотреть, насколько парень психологически устойчив, а, с другой, дать ей время поискать какие-нибудь компрометирующие улики. Если бы они нашлись, с кандидатом Штольцом пришлось бы расстаться.

Гретхен продолжала перебирать белье и книги Штольца, осматривать все полочки и шкафчики, вскрывать бритвенные принадлежности и встряхивать полотенца...ничего.

В этот момент зазвенел телефон, она к нему рванулась, но после второго гудка он заглох.

Пора уходить, подумала Грета, но взгляд ее скользнул на журнальный столик, на котором стоял аппарат. Рядом с ним лежал маленький клочок бумаги. Сердце замерло.

На бумаге карандашом по-русски было написано: «Басков,12»

Глава 4

10

Клаус Хасс шел по коридору Гороховой, 2, где раньше находилось НКВД, а до нее ГУБ ЧК, а сейчас управление Гестапо по Восточным землям. Надо сказать, что штат сотрудников почти не поменялся. После заключения договора о перемирии, почти все синие околышки захотели остаться работать в штате немецкой тайной полиции, поэтому русский язык в этих стенах был таким же привычным, как и немецкий, и людей допрашивали и пытали по прежнему с матерком.

Клаус зашел в кабинет руководителя местного Гестапо группенфюрера СС Францу Хофману.

– Хайль Борман!

– о, проходите герр Хасс, проходите. Сегодня много о Вас говорили

– неужели? А я с гаулейтером только что говорил о Вас, точнее о Вашем ведомстве

– да? И чем мы так заинтересовали герра Гаулейтера?

– вы арестовали человека, которого Гаулейтер хотел отправить на важное задание

– не арестовали, а пригласили поговорить. Его даже не пы-

тали

– а было за что пытаться?

– ну Вы же знаете, герр Хасс, что повод всегда можно найти. Но времена уже не те, Гестапо стало вегетарианским ведомством, больше бумажки собираем, да на машинках печатных строчим.

– а где сейчас Штольц?

– в соседней комнате. Сейчас его приведут. – Хофман нажал на звонок, – приведите задержанного Штольца, – сказал он вошедшему порученцу

Через пару минут вошел Штольц. Увидев Клауса пожал ему руку и молча кивнул Хофману.

– здравствуйте Штольц, надеюсь, мои люди были с Вами вежливы?

– вполне, у меня нет никаких претензий, герр группенфюрер

– отлично, надеюсь, Вы не в обиде. Обычная формальность перед отправкой на задание. Мы должны были убедиться в вашей стойкости и преданности делу Рейха. Тем более, сами понимаете, Ваши связи с Россией не подлежат сомнению. Главное, чтобы они не переросли в любовь к Советам, или, что еще хуже, в несанкционированное сотрудничество с ними.

– мне кажется, я не давал повода.

– ну это Вам кажется, как я уже говорил, повод мы всегда можем найти. В любом случае, Вы свободны, герр Штольц,

надеюсь, мы в этом здании с Вами больше не будем встречаться

Клаус похлопал Штольца по плечу:

– все, пойдем, надо уже собираться

Вольдемар и Хасс вышли из Гестапо и перешли дорогу

– там, наверное, Гретхен волнуется, меня забрали прямо при ней

– ооо, да ты, я смотрю, Дон Жуан

– ну, не то, чтобы, но так получилось. На самом деле и не было ничего. Просто погуляли и зашли ко мне попить кофе. А она уже и заснула.

Они поднялись на третий этаж. Дверь в квартиру Штольца была приоткрыта. Клаус расстегнул кобуру.

В квартире царил полный бардак: раскуроченные полки с книгами, разбросанные по квартире ящики от стола и секретера, кругом под ногами книги и журналы...

– ничего себе, – сказал Клаус, – поработали ребята на славу.

– наверное они и держали меня там, чтобы спокойно все обыскать.

В это время раздался телефонный звонок.

– Вольдемар, милый, ты дома! Я так рада, – звенел в трубку голос Гретхен, я убежала, как только тебя увели, я сейчас к тебе прибегу

– Не надо, не прибегай. Все в порядке. Мы с Клаусом и сейчас идем в Адмиралтейство.

– Майн Готт, ну позвони мне, как освободишься, я приду, куда ты скажешь

– Хорошо, чус, – Штольц повесил трубку и как будто задумался над аппаратом....

– Что-то случилось? – спросил Клаус

– Знаешь, мне кажется, пропало кое-что важное. И это лежало ночью прямо здесь

– Что важное?

– Бумажка с твоим прошлым адресом, ну в смысле с Гвоздевским адресом

– Чёрт, ладно, пошли

Они вышли из подъезда и пошли в сторону Адмиралтейства

Через полчаса в Гестапо, в комнате для прослушивания телефонных переговоров загорелась красная лампочка и большой магнитофон автоматически начал крутить бобины.

12

Подождав немного после разговора со Штольцем Грета оделась, вышла из дома и пошла в сторону Московского вокзала. У памятника Маннергейму она свернула налево, потом еще налево... вот он, тот самый Басков переулок, а вот 12 дом. Но что там может быть? Как искать в этом большом доме?

Она вошла во двор и огляделась по сторонам. Старые квартиры старого дома. Тусклые окна, слабый свет в колодце двора. Она смотрела по сторонам, скользила по окнам, выбирая, где же тот самый адресат с записочки Штольца. И тут она увидела занавески. Не тюль, не шторы, а голубенькие занавески. Они были плотно задернуты, хотя на третьем этаже что увидишь...

Мне туда – подумала Грета и вошла в подъезд

– Герр Группенфюрер, телефон в советской резидентуре заработал! - в кабинет начальника Гестапо вошел оберштурмфюрер Кренц

– Кто звонил? С кем говорили? О чем? Расшифровали? Распечатка есть!

– Вот, господин Группенфюрер!

Хофман взял распечатку и начал читать, а Кренц продолжал комментировать.

– Звонили полчаса назад. Голос мужской. Трубку взяла женщина.

– Фрау, мне нужна сиделка к моей тетушке, я звоню по объявлению, не могли бы вы посидеть с ней две недели, пока я не вернусь. Готов платить 5 рейхсмарок в неделю

– Хорошо, – ответил молодой женский голос, – адрес тот же?

– Да конечно, она уже вас ждет. Спасибо

– Спасибо, до свидания! – ответила женщина и повесила трубку

– Кто звонил? – спросил Гауфман, – вы узнали, кто звонил?

– нет, голос был приглушен, как будто говорили через пла-ток, но интересно другое – звонок был сделан из приемной гаулейтера!

Еще раз пообщавшись с гаулейтером, познакомившись с будущим послом Рейха в СССР Кристой-Венфридис Шуленбург, кстати оказалась очень милой женщиной, Штольц поехал в Сименс.

Один из крупнейших германских концерном Сименс и Гальски в 1943 вернул себе все заводы Гитлерграда, которые еще Николай экспроприировал в 1914 м году с началом Первой мировой.

Они не стали переименовывать Электросилу и Завод турбинных лопаток, а Ленинградский металлический завод стал Гитлерградским металлическим заводом, как говорится, дешево и сердито.

Сименсовцы хотели бы вернуть свои предприятия и в Москве, – Электрозавод, ТЭЦ-1, ТЭЦ-2, – и, хотя надежды на это было крайне мало, готовили команду своих юристов и финансистов в обозе отправляющегося в СССР нового посольства. Это играло на руку Штольцу – у него была возможность раствориться в этом кагале, который планировал задержаться в столице России минимум на полгода. Ну и понятно, что такая делегация не может быть проигнорирована первым лицом страны, и хотя бы раз, но Вольдемар будет иметь возможность представиться Жукову официально.

Головной офис Сименса находился, как и у большинства

других коммерсантов, на Маннергейм штрассе, в гостином дворе. Немецкие архитекторы слегка его преобразили, подреставрировали, нарастили два этажа и добавили югентшиля слегка. В общем, внутри был свет и простор.

Руководитель восточного офиса Сименса Фриц Хубер встретил Штольца у дверей своего кабинета.

– может, стаканчик шнапса?

– спасибо, герр Хубер, но мне кажется, рановато еще для шнапса

– ну, как хотите, я немножечко выпью, – сказал руководитель Сименса и налил себе стаканчик прозрачно-маслянистой жидкости, – итак, я со мной говорил гаулейтер, и я понимаю стоящую перед Вами задачу, герр Штолец. Думаю, мы сможем обеспечить Вам, как это у вас принято говорить, рабочую легенду, с которой вы успешно начнете взаимодействовать с русскими

– герр Хубер, располагайте мной, как сочтете нужным, я закончил Дрезденский технический университет, и плюс к этому говорю свободно по русски.

– это же превосходно, то что нам не хватало. Вы знаете, что до революции русские заказывали нам проектирование метрополитена, но потом большевики не захотели строить по нашему проекту, а позвали американцев. Сейчас Каганович строит новые линии метро и мы хотели бы их уговорить построить по нашему проекту, и закупить наше оборудование и вагоны. А еще большие планы на энергетику. Мы мог-

ли бы построить для русских атомные станции, у них есть опытный реактор, но таких проектов, как есть у нас, у них нет. Плюс наш альянс с фон Брауном имеет колоссальные перспективы. Мы могли бы построить у русских космодром где-нибудь в Казахстане и оттуда запускать ракеты. Вернер говорит, что это будет намного эффективнее, чем из Пенемюнде.

– герр Хубер, позволю себе заметить, что у нас нет даже мирного договора, а без него вряд ли сотрудничество в таком объеме будет возможным. И, как мы считаем, русские хотят получить Гитлерград обратно. Если это так, то вы и местные заводы потеряете. В России же нет капитализма. Там все народное.

– как жаль, что нам не удалось включить всю Россию в состав Третьего Рейха. Какие безграничные возможности перед нами тогда бы открылись. Вполне можно было бы построить скоростную железную дорогу от Ла Манша до Владивостока, а там и тоннель в Японию.

– боюсь, что мы так жестоко с ними воевали, что о включении вообще речь не идет, хотя мысль действительно заслуживающая внимания. Если бы мы во время войны относились к русским как к словакам или венграм, все могло бы быть по другому. Но ведь мы считали, что они немногим лучше животных. Ну, то есть не мы, а Адольф Гитлер, но мы ведь все молчали. Кроме разве что нашего гаулейтера.

– о, так Вы тоже, Штольц, считаете, что это фон Тресков

его...?

– что бы, герр Хубер, Гитлер умер геройски от руки смоленских партизан, как настоящий патриот, – сказал Вольдемар и улыбнулся

– может все таки стаканчик шнапса?

– я бы вот от стаканчика шприца не отказался

Хубер приоткрыл дверь из кабинета в приемную:

– Бинди, принесите белого вина, минеральной воды и бокальчик для нашего гостя, два бокальчика. И позовите Гюнтера

– сейчас все будет в лучшем виде, Гюнтер вас введет в курс дела..

– благодарю герр Хубер

– для Вас просто Фриц, – сказал Хубер разливая принесенное вино по бокалам

Грета зашла в подъезд и огляделась. Все было бедненько и грязновато. Чувствовалось, что здесь живут одни русские. В немецких домах в парадных стояли цветы и стены, полы и потолки были ухожены. Она поднялась на третий этаж и прислушалась. За дверью играл джаз и жужжал пылесос.

Грета дважды повернула ключик механического звонка. Пылесос и проигрыватель выключили, дверь открыли, но на щеколде.

– Да? Вам кого? – на Грету смотрела молодая, лет 20 хорошенькая русская девушка

– Вы знаете, я ищу Вольдемара

– Аааа, Валди, его здесь нет, он редко тут бывает, – сказала девушка и густо покраснела, – может что-то передать, если я его увижу?

– Нет, не надо, не надо. Извините за беспокойство, – сказала Грета, развернулась и побежала вниз по лестнице, – бабник! – подумала она со злостью и легкой ревностью, – уж лучше бы он оказался шпионом..

Глава 5

16

В связи с отсутствием прямого сообщения между Гитлерградом и Москвой решили ехать на машинах. Семь Майбахов Цеппелинов, четыре мерседесовских автобуса на 24 человека каждый, восемь Хорьхов и два Опель-Кадета – вот такая кавалькада покинула город первого июня.

Клаус и Вольдемар сидели в одном 859-м Хорьхе. Вольдемар за рулем, Клаусс на пассажирском сиденье, на заднем диване были сложены их многочисленные чемоданы. Так как было плюс двадцать, Вольдемар откинул крышу и наслаждался ездой.

Отъезду предшествовали относительно короткие сборы, с момента посещения Гестапо прошло три дня, во время которых за Вольдемаром неотступно следовала Гретхен, которая, похоже, решила захомутать нашего Штольца.

Впрочем, сам Штолец был не против. Все таки уже 45 лет, пора бы и семьей обзавестись, если бы не предчувствие безоговорочной капитуляции сразу после ратуши. Гретхен оказалась весьма властной барышней, которая, во-первых, потребовала объяснений, что за шлюха живет в Басковом переулке, 12, и давно ли Вольдемар за ней ухлестывает, а во вто-

рых, потребовала взять ее с собой в Москву.

– со шляхой удачно получилось, – подумал Вольдемар и мысленно поблагодарил Клауса-Гвоздева, который придумал этот трюк с телефонисткой советского посольства.

Что касается поездки в Москву, то тут Вольдемар нашел было стопроцентную отмазку, что, мол, состав делегации определяет не он, и вряд ли он может как-то повлиять. Но Гретхен умудрилась связаться с будущим послом и та волшебным образом просто взяла ее в свою свиту. Так что в данный момент Грета фон Бюлов тоже ехала в Москву, но в первой Майбахе, вместе с Кристой-Венфридисой Шуленбург.

– что ты думаешь по поводу Гретхен? – спросил он у Клауса

– знаешь, я ведь чуть с ней не спалился. Оказывается мы с ней учились вместе в Геттингенском университете. И я даже ее позвал сюда, в Гитлерград. Вместе с Анной-Марией.

– да, действительно, кто бы мог знать

– ну мы предполагали, что могут проявиться многочисленные связи, которых я не знал и не мог предугадать.

Но чтобы вот так.

– и как ты отбоярился?

– да сказал всем, что была сильная контузия во время задания, провалялся в каком-то госпитале, и мало что могу вспомнить.

– родителей-то хоть помнишь?

– своих-то? Конечно

– не своих, а Клауса Хасса.

– да, Ганс и Вальдрауда. Слава богу, они уже на небесах, как мне сказали в разведке, а то ведь по закону подлости наверняка с ними бы встретились.

– да, тебе уж точно на это везет, – оба захохотали

– слушай, как к тебе Гретхен привязалась, смотри, как бы не стать отцом.

– ну я-то не против, только не уверен в искренности Гретхен. Ты представляешь, это ведь она взяла записку с твоей явочной квартирой. А еще и сходила туда сама. Потом мне устроила сцену ревности... И все равно, что-то не то: обыск, допросы, проверка квартиры. Подозреваю, что это она все организовала. Не уверен конечно до конца, но что-то мне подсказывает, что это так

– слушай, ну может просто влюбилась баба и решила проверить тебя, она же все-таки не простой кадр, как выясняется. На хорошем счету у самого Бормана. Да и Золотого Орла не всем дают. Думаю, в этой кавалькаде только один кавалер этого ордена – твоя Гретхен.

Караван проехал Колпино и подъезжал к советско-германской границе. Издали была видна четырехметровая стена из голландского серого кирпича, уходящая вдаль в обе стороны от КПП, над которым развевался флаг со свастикой, а за ней, на расстоянии полукилометра просматривалась такая же стена, но красная, с красным флагом на КПП.

Немецкий досмотр прошли достаточно быстро, хотя диппаспорт Вольдемара изучали даже излишне внимательно. В общем-то, он получил его только вчера, хотя был уверен, что паспорт не фальшивый.

– проезжайте! – Пограничный полицейский махнул и для Хорьха открыли шлагбаум, первые машины посольства уже проходили советский контроль.

Они стояли уже сорок минут, а машина посла все никак не двигалась с места. Остальные машины уже проверили и все сидели, пребывая в неведении, что же происходит.

Наконец, Вольдемар вышел из машины и пошел в сторону русского КПП.

– вернитесь в машину, – приказал советский пограничник, – немедленно

– я только хотел узнать, что происходит

– вернитесь в машину, здесь запрещено свободное передвижение, проедете границу, узнаете

Вольдемар вернулся и сел за руль. В это время из головной машины вышла Гретхен и два пограничника повели ее в здание КПП. За ней вышла фрау посол, а следом из второй машины четыре охранника посла. На двух вышках пулеметчики явно нацелились на охранников, а из КПП вышло шесть пограничников с немецкими овчарками и доберманами.

Со стороны немецкого КПП раздался звук моторов – это стремительно приближались солдаты на мотоциклах BMW с коляской. В обще сложности человек сорок. Назревало

нешуточное столкновение.

Так как пограничнику, осаживавшему Вольдемара приказали подтянуться к советскому КПП, его уже никто не сдерживал в порыве подойти к посольской машине. Штольц вместе с Хассом оставили свой кабриолет и бегом пустились на помощь Гретхен.

Когда они вошли в помещение советских пограничников, они увидели, что в глубине зала какой-то советский офицер, похоже майор, на повышенных тонах разговаривает с германским послом, а поодаль, под конвоем, стоит Гретхен.

– что случилось? – спросил Вольдемар стоящего рядом руководителя делегации Сименса

– да вроде бы хотят арестовать фройляйн фон Бюлов, говорят, она разыскивается как нацистский преступник

– какой преступник?! Ей восемь лет было, когда война закончилась, да и потом, мы же здесь все с дипломатическими паспортами

– ну, какие для Советов дипломатические паспорта у фашистов?! О чем Вы, Штольц?!

Мимо них к машине прошла фрау Шуленбург. Охрана двинулась за ним.

– соедините по рации с Борманом, – услышали соглядатаи ее распоряжение.

Полчаса все просто ждали. Гретхен дали кресло, налили стакан воды. Она улыбнулась Вольдемару, который не мог оторвать о нее своего взгляда. Похоже, влюбился – поду-

мал он.

Через полчаса телефон на столе советского майора, который устроил всю эту заварушку, зазвонил.

– Майор Кудашев! Да, товарищ Маршал, – глаза майора округлились от осознания того, с кем он сейчас разговаривает, – так точно, товарищ маршал, виноват, товарищ маршал, слушаюсь, товарищ маршал, – он опустил трубку и пахнул рукой конвою, – пошли вон, пропустить всех!!!

Гретхен вскочила и словно фея подбежала к Вольдемару и чмокнула его в щеку:

– твою милую чуть не арестовали жуткие русские, ты переживал?

– Гретхен, я уже был готов тебя отбить у конвоя

– ммм, ты мой герой, – сказала она и полетела в машину посла.

Все расселись по своим лимузинам и колонна тронулась.

– Ну вот, мы и в СССР, – сказал Клаус, когда их машина проехала шлагбаум.

Через два часа посольская машина стала к обочине и охрана подала сигнал всем припарковаться.

– решили сменить водителей, – пояснили они, – если у вас есть в машине, кто может сменить, поменяйтесь, – если нет, может кто-нибудь из охраны сесть за руль

В итоге охранники не потребовались, все разобрались внутри каждого экипажа. Клаус сменил Штольца и они двинулись в сторону Москвы.

Не проехали и двух километров, как впереди раздался взрыв

– Майн Готт – машина посла подорвалась, закричал Вольдемар, -дави нажал на газ, -они поравнялись с посольской машиной, которая была объята огнем. Вольдемар бросился к Майбаху и открыл заднюю дверь. Госпожа Шуленбург лежала вся в крови с разбитой осколками головой, Гретхен тоже была без сознания, в порезанном стеклами платье, но, похоже, живая.

Штолец вытащил Гретхен из машины. Повсюду слышалась стрельба. Охранник посла делал попытки привести свою начальницу в чувство, но в этот момент ПТУРСа пробил машину, разметав ошметки Майбаха и находящихся рядом людей.

Штолец с Гретхен скатился за обочину и пополз в сторону

леса, подтягивая за руку тело любимой подруги.

Минут через 15 бой затих. Потом раздалось несколько одиночных выстрелов и коротких очередей.

– добивают, видимо, – подумал Вольдемар. – ужасно, что сейчас вообще не темнеет. Не спрятаться никуда.

Вольдемар подождал еще немного и снова пополз. Добравшись до леса, он встал, закинул Грету на спину и пошел вдоль дороги в сторону Гитлерграда. Штольц не представлял, как он переберется через границу, но других идей пока не приходило.

Ужасно хотелось пить, но из луж было рискованно. Наконец, он увидел какой-то ручеек, чуть пройдя против течения обнаружился родник. Вольдемар положил Гретхен и упал на живот... он жадно пил из родника, одновременно умывая лицо, глаза, потом снова пил. Холодная вода потихоньку возвращала силы. Он подтянул девушку поближе и стал обтирать ее водой. Лоб, щеки, шею, губы... потом поцеловал ее и снова горстями стал поливать воду ей на лицо.

– Надо как-то напоить ее, – подумал Вольдемар и зажал Гретхен нос, поднеся одновременно ладошку с целебной водой к ее рту.

– Ты что, я же задохнусь!!! – закричала Грета, открыв глаза

– Ура! Ты жива! – воскликнул Вольдемар и крепко обнял свою возлюбленную.

В этот момент что-то твердое и холодное, похожее

на ствол автомата, два раза стукнуло Штольца между лопаток.

– Ну что, фриц, ханде хох!

Глава 6

18

Клаус, хотя, какой он Клаус, если он, во-первых, один, а, во вторых, на территории Советского Союза, Виталий Гвоздев, жал на газ. Он видел, как от снаряда разворотила по-сольский Майбах и потерял всякую надежду найти кого-то живым.

– что за идиоты? Партизаны какие-то... им что, никто не сказал, что война уже 17 лет как закончилась, – думал Гвоздев, ускоряясь в сторону Москвы.

Но до советской столицы еще было 600 километров а до Новгорода 60. Новгород, как и Ленинград остались на территории Рейха. Для старинного ганзейского города это было возвращением в родную гавань. Он еще помнил, на генетическом уровне городского сознания, как в 1569 войска Ивана Грозного уничтожили почти все население... но те, кто остались, передали память потомкам.

Может поэтому город благосклонно принял переход под германское покровительство. Рейхстаг, который начал вновь собираться с конца 1943 года, придал ему, как и Пскову, статус вольного города, то есть Новгород стал самостоятельным субъектом Третьего Рейха. Благодаря автономии, им руко-

водили исключительно местные новгородцы.

Подъезжая к Новгороду, который был за красной пограничной стеной, Гвоздев решил заехать на КПП, позвонить в Ставку. Но пройти на КПП оказалось не так то просто.

– Стой, стреляю, – раздался окрик на подъезде к пограничному пункту. Навстречу вышли два красноармейца с винтовками с пристегнутыми штыками.

– Братцы, я свой, капитан второго ранга Гвоздев. Мне нужно доложить в ставку, Жукову!

– Видим мы, какой ты Гвоздев, фриц недобитый, – кричали красноармейцы.

Действительно, Гвоздев же был в форме ээсовца. А так как сейчас очень многие русские по ту сторону стены работали на немцев, ну, или собственно, на свою страну, которая была частью Третьего Рейха, то понятно, что Гвоздеву оправдаться в таком наряде было трудно.

– Руки вверх, немчура проклятая! – караульный подошел к Гвоздеву, вывел его из машины и толкнул его в спину – пшол!!!

Так или иначе, но маленькая мечта Гвоздева сбылась – они пришли на КПП, только его сразу затолкали в небольшую камеру и закрыли за ним клетку на замок.

– посиди здесь, гаденыш, а мы пока доложим начальству. Может, разрешит тебя расстрелять, тогда я за тобой радостно приду! – красноармеец сплюнул через решетку в сторону присевшего на шконку капитана второго ранга.

Минут через двадцать пришел другой красноармеец и вывел Гвоздева в коридор.

– Вперед, руки за спину, быстрее!

Они прошли до угла, свернули и сразу вошли в кабинет начальника погранзаставы.

– Присаживайтесь. Петров, свободен! – сидевший за столом майор был крайне учтив. – Курить будете? – он достал пачку Герцеговины Флор.

– Не откажусь. Спасибо товарищ майор.

– Ну рассказывайте.

– Мне нужно позвонить в Ставку Жукову. Доложить о ситуации.

– а мне бы Господу Богу нужно позвонить. Давно хочу новый дом и жену красавицу

– товарищ майор я не шучу.

– и я не шучу, господин, не знаю как вас там.

– Хасс, – Гвоздев решил не раскрывать непонятному майору свое истинное лицо. И так как он в немецкой форме, то логично для него оставаться немцем, – Клаус Хасс. Я был в составе германского посольства. В районе Радищево на нас напали неизвестные партизаны и уничтожили почти всех. Может, кто еще живой остался, я не знаю, я сам смог убежать.

– напали на Посольство? Это плохо. – майор стал набирать кого-то по телефону, – соедините меня с начальником гарнизона, да, жду.....Товарищ полковник, тут у меня один

немецкий офицер, говорит, что на немецкое посольство, которое въехало в СССР через колпинское КПП, совершено нападение, возможно все погибли, в том числе и посол. Просит связать его со Ставкой... Да, так точно, слушаюсь.

– вот что, Хасс, придется подождать немного. Полковник решил сам тебя допросить, гарнизон у нас в Пролетарии базируется, полчаса ходу. Ну, может минут сорок. Так что жди. Петров!!

В кабинет вошел красноармеец

– Петров, вот что, возьми господина Хасса и отведи его на кухню, пусть его покормят как следует, телевизор включи ему, газетки дай. Читаете же по-русски? – обратился он уже к Хассу

– конечно, спасибо товарищ майор

– странно так от фрица слышать слово товарищ, но, похоже ты не простой фриц. Ладно, полковник решит дальше, что с тобой делать.

Полковник прибыл, когда Гвоздев доедал вторую котлету. Немецкого пленного-гостя накормили от души – куриный супчик, салат из капусты морковкой, картофельное пюре с двумя котлетами и компот с сочником.

Начальник гарнизона зашел прямо на кухню: «Ну ка, мне организуйте тоже что-нибудь перекусить!» – и присел к столу Хасса.

– ну здорово, Гвоздев! – на капитана второго ранга глядело веселое лицо адъютанта Жукова.

– Николай Петрович, – Гвоздев вскочил по стойке смирно, – что это Вы полковником-то?

– сиди спокойно, – Курганский зашептал, – никто ничего не должен знать. Ты что хочешь, чтобы жалким погрангарнизонам генерал армии руководил что ли? Временно понизил себя для конспирации.

– Николай Петрович, – спешу сообщить, что Посольство обстреляно неизвестный, противотанковыми снарядами. Посол скорее всего погибла, я видел, как прямо в ее машину снаряд влетел. Автобусы с фирмачами тоже горели, да у них и оружия не было, чтобы обороняться. Я еле вырвался, потому что в этот момент прорывался к машине посла со Штольцем. Но Штолец бросился к ее машине спасать людей, а я поехал дальше. Когда сзади рвануло уже гнал не оставиваясь.

– стало быть и Штолец погиб. Жаль. Мы же возлагали на него большие надежды. – Курганский погрустнел. – ладно, в Москву тебе смысла не имеет возвращаться. Сейчас как раз появляется у тебя шанс вернуться в Берлин к Борману, все-таки уничтожение посольства дело нештучное. Поедешь через Новгород, заскочи как бы невзначай к одному нашему человечку, ул. Власова (Курганский поморщился), дом 6, может, пригодится, – адъютант Жукова с удовольствием доедал куриный суп, отламывая пушистый белый хлеб от большого каравая. – караульный!

– да, товарищ полковник!

– позови начальника заставы

– слушаюсь! – солдат стремглав бросился из кухни

Через тридцать секунд пришел майор, который, видимо, стоял прямо за дверью

– товарищ полковник, явился по Вашему приказанию!

– вот что, майор, господин Хасс наелся, я думаю, и готов двигаться к себе в Германию. Оформите его по-быстрому и отпускайте с богом

– слушаюсь, товарищ полковник!

Хасс встал, кивнул Курганскому и пошел за майором

– Вы извините, господин Хасс, если что не так, сами понимаете, мирного договора с Германией пока нет, а мы все еще помним, что было 17 лет назад. Так что, бывает, перегибаем палку.

– Ничего страшного, майор, все бывает, – он забрал свой зеленый паспорт из рук начальника заставы, сел в свой Хорьх и двинул в сторону немецких пограничников под поднятым шлагбаумом.

19

На немецком КПП начальник был званием поменьше, чем на русском

– Гауптман Шрёдер, – представился он Хассу, беря в руки зеленый паспорт.

– Гауптман, мне надо позвонить от вас в Берлин, – Хасс вышел из машины

– Без проблем, господин Хасс, пройдемте в помещение. Хасс зашел в здание КПП и присел к телефонному аппарату.

– Соединяю с Рейхсканцелярией, – сказал голос дежурного офицера связи, – говорите.

– говорит штандартенфюрер СС Клаус Хасс, соедините меня с канцлером

– минуту, соединяю с приемной канцлера.

– Альберт Борман, – произнес человек на другом конце телефона. Долгие годы родной брат Мартина Бормана руководил аппаратом Канцелярии, являясь одновременно личным адъютантом канцлера, сначала Гитлера, потом родного брата.

– Альберт, это Клаус Хасс, мне нужно срочно поговорить с Канцлером.

– Что случилось? Ты не с посольством? Что с госпожой Шуленбург, ее рация не отвечает.

– На нас совершенно нападение на подъезде к Новгороду, мы были атакованы какими-то партизанами, подозреваю, что все погибли.

– Подожди, я сейчас соединю с братом.

– Мартин Борман, – заговорила телефонная трубка

– зиг хайль, герр Канцлер! – это беспокоит штурмбанфюрер СС Клаус Хасс, порученец при гаулейтере фон Трескове

– слушаю, Хасс! Я Вас помню прекрасно

– хотел сообщить, что на подъезде к Новгороду на советской стороне на наше посольство было совершено нападение, фрау Шуленбург и многие другие члены посольской делегации погибли. Не уверен, что кто-то выжил. Стреляли из пулеметов, автоматов и управляемых противотанковых снарядов. Нападавшие похожи на партизан. Одеты не как регулярная армия. Я нахожусь сейчас на пограничном КПП у Новгорода.

– Вас спокойно выпустили на русском погранпункте?

– да, герр Канцлер, похоже они не были в курсе этого нападения

– хорошо, поезжайте пока в Новгород. Вы переходите в распоряжение бургомистра фрау Кибиной. Явитесь к ней завтра и оттуда свяжитесь с Альбертом. Я отдам соответствующие распоряжения.

– яволь, герр Канцлер

– до свидания Хасс, спасибо за службу и будьте на связи.

Возможно, не за горами новая война, которую мне бы очень

хотелось избежать.

Хасс простился с гауптманом Шрёдером, который тоже пытался накормить штурмбанфюрера, сел с машину и покатил в Новгород, благо до него было всего два километра.

За всеми прохождениями КПП и беседами на кухне и по телефону время незаметно подошло к вечеру. Хотя было по-прежнему светло, но Клаус чувствовал, что нужно где-то поселиться и завалиться спать. Подъезжая к Волхову он увидел небольшую гостиницу Ганза. Было написано на немецком, вероятно, и построена для приезжающих в город немцев. Стоит остановиться именно здесь.

Действительно, в гостинице было все декорировано в немецком ганзейском стиле: такелаж, бочки, элементы деревянных торговых судов. Стойка администратора выглядела как торговый прилавок, или может как старая таможня.

– Гутен абенд, обратился к Клаусу администратор.

– Гутен абенд, я хотел бы снять у вас номер с видом на реку.

– Прекрасно, герр штурмбанфюрер. Могу я Вас попросить какой-нибудь документ? Нам нужно будет направить отчет полиции, извините

– Да-да, конечно, – Клаус достал свой дипломатический паспорт

– О! Вы дипломат, прекрасно!

– Не вижу ничего в этом прекрасного. Ну да ладно.

– Ваш номер 7 на втором этаже, Эльза Вас проводит. Зав-

трак завтра с 6 утра. Хотите в номер или спуститесь в ресторан? Он у нас на первом этаже, есть терраса.

– Спустишь конечно, и можно мне сейчас в номер кружку пива и вайсвурст с яичницей из трех яиц

– Яволь господин штурмбанфюрер, через 15 минут все будет у Вас в номере.

– Клаус поднялся, дал Эльзе 50 пфенингов за сопровождение, и решил принять душ, прежде чем принесут поесть.

В это время зазвонил телефон

– Черт, даже душ принять не дадут, – подумал Клаус и взял трубку

– Господин Хасс?

– Да, это я

– Госпожа Бургомистр хотела бы пригласить Вас на ужин.

Машина будет ждать Вас у гостиницы через полчаса.

Клаус позвонил администратору, сказал, что сосиски с пивом отменяются и пошел в душ.

Глава 7

20

Кlaus спустился через 25 минут. Буквально через минуту к главному входу гостиницы подкатил шикарный Фольксваген 1200 Карманн-Гиа Купе. За рулем сидела роскошная блондинка. Так как Klaus стоял поодаль, затягиваясь сигаретой, к водительской двери побежал расторопный швейцар:

– госпожа бургомистр, рады Вас видеть, – проговорил он на русском с небольшим акцентом

Хасс потушил сигарету и двинулся к машине

– здравствуйте, Вы, наверное, за мной. Я Klaus Хасс.

– О, да! Здравствуйте. Я действительно за Вами. Присаживайтесь и мы поедем ужинать. По пути покажу Вам город.

Хасс сел на пассажирское сиденье.

– Я Авдотья Кибина – бургомистр этого прекрасного города

– Очень рад, что у такого красивого города такой прекрасный бургомистр выпала такая честь с Вами познакомиться.

– Ну что, поехали кататься! – Авдотья озорно хохотнула и нажала на газ.

– Посмотрите на центр нашего города! Как он преобразился за последние 17 лет. Конечно, старые постройки мы

все сохранили и отреставрировали. Там находятся музеи и гостиницы. А по соседству мы создали варяжскую слободу, или, как у нас говорят «Рюрик-град». Пригласили архитекторов из Норвегии, Дании и Швеции, из Исландии не получилось, она же теперь часть Великобритании, а с ними отношения так себе. Ну вот скандинавы какую красоту понастроили – она показала на гармоничный городок, построенный в стиле скандинавского минимализма, но с элементами архитектурного экспериментаторства.

Они притормозили у ресторана Васа. Келлнер открыл дверь Губернатору. Хасс вышел из машины сам.

– Фрау Губернатор, герр штурмбанфюрер, – зашебетал келлнер, пропуская гостей внутрь ресторана. – сюда пожалуйста, лучший столик с видом на Волхов, что прикажете подать на аперитив.

– может, французского вина возьмем? – Клаус посмотрел на Кибину

– не откажусь, полбокальчика

– битте, принесите бутылочку Шардоне

– яволь, – келлнер побежал за вином

– ну, рассказывайте, – сказала Кибина, пригубив бокал

– мне 40 лет, родился в маленьком, но тоже ганзейском городке Висмаре, окончил школу, поступил в Геттингенский университет на философию, но не проучился и одного года, как меня призвали в армию. Воевал в Польше, потом во Франции, потом бросили снова на Восточный фронт.

До Новгорода не дошел, получил серьезное ранение в живот. Сначала в госпитале в Могилеве, потом перевели под Берлин. Как вылез из госпиталя получил назначение в рейхсканцелярию. Там встретил подписание перемирия. Борман отправил меня на переговоры в Лондон. Долго там был с нашим посольством, потом вернулся и мне было приказано доучиться в своем университете. Но я уже перевелся на факультет права. Закончил и вернулся в Рейхсканцелярию. Работал по связям с присоединенными территориями, преимущественно с восточными землями. Год назад во время спецоперации опять был ранен, потерял даже память частично, но вернулся в строй. Прикомандирован к гаулейтеру фон Трескову.

– а родители

– умерли. Мать умерла точнее, а отец погиб на фронте под Дюнкерком.

– и у меня погибли. Немцы расстреляли в 1942 м.

– и как же вы продолжаете работать на Рейх?

Келлинер подошел, чтобы принять заказ.

– Я буду припущенного осетра с верной картошкой, соленые грузди и оливье, – заказала Авдотья

– Знаете, принесите мне то же самое, хочу попробовать то, что любит фрау Бургомистр. Итак, как же вы продолжаете работать на Рейх после всего, что случилось?

– я работаю на Новгород, мне нравится, что я могу сделать для города, нравится, что получается. Да и собственно, все это происходит через много лет после войны. И самое глав-

ное, Гитлер умер.

– это да, многое изменилось с его смертью. Кажется вообще все поменялось. Теперь мы ищем мира, а не войны, но Германия по-прежнему великая империя.

– что вы думаете о Советском Союзе? – спросила Авдотья

– думаю, нам надо мириться окончательно и начинать сотрудничать

– мне кажется, это трудно будет сделать. Я бургомистр города, в котором абсолютное большинство – это русские. И они хотят на родину. В том плане, что хотят воссоединения с Россией.

– но там же большевики. Ведь там ничего того, чего Вы достигли как бургомистр, не будет: снесут ваш Рюрик-град, закроют все гостиницы и пивные, даже мост вам не построят, а вместо какого-нибудь парка построят химзавод, чтобы ваши жители на нем работали и дышали всем этим.

– да, наверное, Вы правы, Клаус, ладно, расскажите о том, что произошло сегодня. У Вас, как мне сказали в Рейхсканцелярии, был трудный день.

– я бы сказал, трагичный и страшный. Я даже потерял двух друзей, помимо того, что погибло еще несколько десятков моих коллег, – ответил Клаус и поведал Авдотье историю гибели германского Посольства.

– Господи! Это же война

– я пока не уверен. Думаю, Борман тоже не уверен. По моим ощущениям, это были совсем не регулярные войска, а ка-

кие-то партизаны, которые ведут свои бои.

– да, я получала информацию, что на наших коммерсантов, которые ездят в Союз со своими товарами, периодически нападают какие-то Дубровские

Клаус сделал вид, что он не понимает, о чем речь, – все-таки 40 летнему немцу не полагалось знать русскую классику в таком объеме.

– Дубровский – это русский Робин Гуд, разорившийся помещик, который собрал крестьян и грабил богатых помещиков, пытаясь добраться до семейного обидчика, который, в итоге не дал ему жениться на своей любимой женщине.

– ну, наверное, это прибыльное дело, грабить торговые караваны, но, в данном случае, речь шла о нападении на Посольство, которое ехало обсуждать мирный договор. Да и вооружение у них было настолько продвинутое, что я сомневаюсь, кто это те же, кто грабит коммерсантов.

– мы ставили неоднократно вопрос перед Рейхсканцелярией, чтобы они прислали спецназ и мы как-то бы разобрались с этими разбойниками. Но, видимо, им недосуг, – заметила Кибина

– возможно, сегодняшнее нападение изменит их точку зрения. Правда, я не очень понимаю, как может спецназ проникнуть за стену, но, может как охрана торговых караванов...

– вот именно, так мы и хотели. Переправить их по частям на советскую территорию, сформировать там боевую группу

и разгромить этих бандитов.

– решительная Вы женщина, это ведь тоже казус белли
Авдотья вопросительно подняла брови

– повод для объявления войны, – пояснил Клаус

– ааа, ну да, но в свете сегодняшних событий, это уже
не так важно.

– поживем увидим

– думаю, уже завтра. Борман сказал, что кто-то прилетит
из Рейхсканцелярии и из руководства Абвера. Знаете, давай-
те сегодня не будем о грустном. У нас в Новгород-Паласе
открылась выставка прекрасного художника, Ивана Зимина,
он пишет русские пейзажи в немецком готическом стиле.
Пойдемте?

– буду рад, – сказал на самом деле жутко уставший Клаус,
но встал и вместе с Бургомистром отправился к машине.

– знаете, пройдем пешком, тут идти совсем рядышком, –
сказал Авдотья и взяла Клауса под руку.

Тепло бургомистерской руки волновало Клауса. Было что-
то такое домашнее и уютное, что исходило от Авдотьи, уве-
рено ведущей его на выставку.

Иван Зимин, экзальтированный творец готично-лубоч-
ной эклектики, встретил пару у дверей выставки. Похоже,
он заранее знал, что, по крайней мере, Бургомистр приедет
в гости.

Художник подробно представил экспозицию, рассказав
почти о каждой работе.

Если честно, Клаус уже умирал от усталости, но он вежливо делал вид, что все ему очень интересно, и он восхищен работами художника.

– Мне кажется ты устал, – сказал на ухо Клаусу Авдотья, – от этого шепота ему даже стало как-то не по себе

– Да, день, как Вы понимаете, был тяжелый, – он не мог еще перейти на ты, хотя, вроде бы именно этого от него и хотели.

– Знаешь, мне кажется, мы можем отсюда уехать. Предлагаю поехать ко мне, у меня большой дом, там отдохнешь.

Сопротивляться сил не было, тем более его машину, где находились все вещи, уже давно пригнал какой-то ефрейтор.

Они сели на заднее сиденье клаусовского Хорьха и поехали загород.

Буквально через полчаса машина подъехала к большому дому в стиле шуваловского классицизма и уперлась в большую кавалькаду мерседесов и майбахов.

Выйдя из Хорьха Кибина и Хасс с недоумением прошлись вдоль ряда отливающих вороньем пером машин и остановились у самого первого Цеппелина с большим штандартом.

В Новгород приехал Мартин Борман.

Глава 8

21

Штольц медленно обернулся и увидел, что рядом с ним стоят трое вооруженных людей явно партизанского вида.

– Вольдемар, будь осторожнее, – прошептала Гретхен и сжала его руку

– Ну что, немчура, по русски понимаем? – спросил один из партизан

– Да, и говорим тоже неплохо, – сказал Штольц, – кто вы и зачем вы на нас напали?

– Потому что мы давили и давить будем немецко-фашистских гадов, пока они не исчезнут с лица земли, – ответил мужик и смачно сплюнул. – Встаем и шагаем

– женщина ранена, она не сможет идти, – сказал Штольц и показал кровь на блузке Гретхен

– ну, значит, ты ее понесешь, или можете сдохнуть здесь, я зараз вас тут и положу

– Погоди, Матвей, – сказал другой партизан, – думаю, надо к Ильичу их сначала привести, – он с ними поговорит и решит, кончать их или нет

– Так ведь идти-то они не могут, кто их потащит?

– фриц может, а эта профурсетка как-нибудь доковыляет

с ним вприпрыжку

– а далеко идти? – спросил Штольц

– да не, минут тридцать. Если раненому, так часок, – ответил более добрый, которого назвали Матвей.

– попробуем, – и далее по немецки, – Гретхен, обопрись об меня и пойдем потихонечку, в любом случае тебе нужна медицинская помощь.

Штольц поднял Гретхен перекинул ее руку через шею и они, под чутким взором двух партизан, пошли по им одним ведомым лесным тропинкам.

Они шли вглубь леса более часа, как вдруг из кустов раздался окрик: «Стой, кто идет?»

– Свои – ответил Матвей

– пароль?

– Иволга

– Сойка, проходи!

Они прошли так и не увидев дозорного. Через какое-то время хмурый партизан надел мешки на голову Штольца и Гретхен. – последний километр пойдете так, и для пущей сложности он раскрутил обоих вокруг своей оси пару раз.

Через еще минут десять они почувствовали запах мха, сырости. Под ногами появились ступеньки. Партизаны взяли пленных за руки каждого и медленно повели вниз.

– 150 и семь поворотов, – отсчитал Штольц

Они прошли еще по ровному коридору, после чего Матвей снял пленникам мешки с головы и они увидели, что

находятся в коридоре какого-то бункера: вдоль сделанных из бетона стен тянулся кабель, под ногами были рельсы.

– идем-идем, – подбодрил Матвей

Еще через метров триста они вошли в небольшой зал, хорошо освещенный и мебелированный.

– садитесь, – сказали конвоиры и Штольц с Гретхен сели на откидные деревянные кресла, явно вывезенные из какого-то театра.

Зал оказался приемной для нескольких кабинетов, которые шли диорамой за столом, где восседали три секретарши.

– вы не могли бы позвать врача, – обратился Штольц к одной из секретарш

– Молчать! – приказал стоящий рядом лесной партизан. – Молчать и сидеть смирно, а то до Ильича не дотянете.

– Интересно, у них свой Ильич, это глубоко символично, – подумал Штольц.

В это время перед одной из секретарш загорелась лампочка: Проходите, – сказала она и встала, чтобы открыть пленникам нужную дверь.

Штольц снова взвалил на плечо Гретхен и такой инвалидной парой они зашли в приоткрывшейся кабинет.

– ооо, фашистушки пожаловали! – из-за стола вывалился кругленький, лысоватый мужчина и мягко стал перекатываться в сторону пленников с протянутой для пожатия рукой.

Штольц пожал руку и представился: Вольдемар Штольц и Грета фон Бюлов, – сотрудники германского посольства, которое направлялось в Москву.

– да, братцы, повезло вам, похоже вы одни и выжили. Мои хлопцы перестарались. Я приказал только посла убрать, ну и все добро экспроприировать, а они всех положили. Неприятно, неприятно.

– извините, а зачем Вы решили убрать посла, она же женщина, и к тому же, ехала с миссией мира.

– ну вот поэтому и решил. Не нужна нам миссия мира. Мира не будет, пока я живой. Ну и мои друзья, которые нас поддерживают и нам помогают. НЕ БУ ДЕТ! Поняли?

– понял, а почему? Как говорится, худой мир лучше доброй войны.

– я так не думаю, – ответил толстячок, – кстати, зовите меня Ильич, это и взаправду мое отчество, а в Союзе это отчество имеет особое значение.

– почти как Ленин, – ухмыльнулся Штольц

– да, в здешних лесах я для этих ребят настоящий Ленин,

а они мои большевики. Ладно, для начала может поужинаем? У нас тут неплохо кормят, кабанятинка есть, уточка дикая, есть и козье молоко – своя ферма небольшая, сыры делаем, – сразу чувствуется, Ильич горазд был пожрать.

– знаете, Ильич, нам бы доктора. У фрау Греты ранение живота. Я перетянул кое-как, но без медицинской помощи будет плохо.

– там что же вы сразу не сказали! Зина!!! – Ильич нажал на кнопку у себя на столе, видимо, от этого сигнала у Зины зажжется красная лампочка. Действительно вошла Зина. – Зина, Пилюлькина сюда, срочно!

Штольц захохотал: Чудесное прозвище, Пилюлькин – сами придумали?

– да вы что, это детская сказка такая есть, там доктор Пилюлькин, небось не читали?

– нет, не читал

В этот момент вошел лохматый доктор в белом халате, очках и чемоданчике, который правда был огромного размера.

– Где пациент? – сходу спросил Пилюлькин

– Вот что, Пилюлькин, – Ильич так его и в глаза называл, – вот барышня, она ранена, быстренько ее к себе в амбулаторию, и чтобы вылечил. Позови бойцов, Матвея и Петровича, они а зале стоят, пусть тебе помогут ее отнести.

Зина впереди Пилюлькина выбежала в залу и позвала давешних партизан, а доктор вынул из чемоданчика большое полотно с ручками петельками по углам – видимо, такие

компактные носилки. Они со Штольцем положили на них Гретхен и пришедшие Матвей с Петровичем их подхватили и понесли.

Штольц хотел бы двинуться за ним следом, но Ильич его остановил: – А Вас, Штольц, я попрошу остаться! Пошли перекусим. Вашу даму без Вас залатают, а ужин, как говорится, по расписанию должен быть.

Он взял под локоть Вольдемара и повел в подсобную комнату. Там уже был накрыт ужин на троих. Как и обещалось, был жареный кабан, запечённая утка, сыры разные, картошечка была вареная, грибочки маринованные, посередине стола стояла кринка молока и графинчик водочки.

– Ну, за знакомство! – сказал Ильич, поднимая запотевшую рюмочку

Они со Штольцем чокнулись и выпили. Оба взяли по соленому огурчику, одновременно откусили и блаженно откинулись на спинки своих стульев.

– Хорошо! – протянул хозяин и снова налил себе и гостю из графина! Зина!

Зашла Зина

– убери лишнюю посуду и отложи еды для пациентки Пилюлькина, отнеси ей туда. И Молоко вот возьми, нам не понадобится. И Пилюлькину тоже возьми, чтобы слюни не пускал. Давай живо.

Когда за Зиной закрылась дверь Ильич снова поднял рюмочку

– давай, за здоровье твоей барышни, как ее

– Гретхен

– во, Гретхен, красивое имя, хотя мне вон Зина тоже нравится, и жопастая она какая а!!! аaaa!!! Ну давай

Они снова чокнулись и выпили.

– Знаешь, что я тебе скажу, Володя

– Я Вольдемар

– ой, это длинно очень, и я не запомню, будешь у нас Володей, так проще. Так вот, знаешь ли ты, куда ты, брат попал?

– к партизанам

– вооот, почти угадал! Мы на самом деле народные мстители! Мстим за потерю советских земель.

– ну а как вы мстите на советской территории? Убиваете коммерсантов и дипломатов?

– не, ну да, то есть не то, чтобы убиваем, но иногда приходится, а иногда случайно. Но наша цель, чтобы вы помнили, гады, что есть еще русские люди, которые будут давить фашистских гадов

– я понял, Ильич

– нет, ты не понял! – снова налил из графина, – здесь моя власть, моя лесная страна! Знаешь, сколько у меня жителей? А? угадай!

– ну человек 100

– не угадал. Десять тысяч почти. Давай выпьем, – наливает в рюмки

– Десять тысяч? Где они тут все размещаются?

– ну кто где. Вот тут со мной живет 500 человек. У нас тут подземный город. Переоборудован из бункеров линии Молотова. Много уровней, залы, комнаты. Есть много подземных ходов и даже на оккупированную вами территорию.

– серьезно? И что, никто не знает?

– может, кто и знает. Ну вот ты знаешь, а что сделать можешь? Перекрыть наши ходы? Не можешь! Никто не может. Потому что они очень сильно спрятаны. Давай еще выпьем.

– может не надо? Я уже не могу пить.

– ну не пей, я последнюю рюмочку выпью, и все. В конце 1943 года, мне тогда 22 года было, но я уже полковником был на фронте, как объявили перемирие, я сколотил отряд своих ребят из 52 армии, кто не хотел отдавать вам, сраным фашистам, родную землю, и увел их в леса. А был у нас один военный инженер, Семенов, так он эту линию Молотова строил. И привел он нас сюда. Так мы тут город свой и обустроили. Пойдем покажу.

И Ильич повел Вольдемара по своим владениям

– вот здесь у нас квартирки, коммунальные конечно, один сортир на три-четыре семьи, кухня тоже общая, но люди не жалуются, привет, Клава, – кивнул по пути Ильич какой-то женщине, – вот тут мастерские: оружие делаем, пули льем, ремонтируем, ну и что-то для быта: кастрюли там, ножи, сковородки, табуретки, еще мебель какую. Мужиков рукастых много. Пока фрицев нет на дороге, не с женами и сопляками нянчиться – работу надо работать. Бабам тоже

много дела – вот ткацкий цех наш, лен растим, потом выделяем, из коз шерсть делаем опять же, одежду мастерим.. А вот тут у нас Генштаб, тут, брат фриц, планирование у нас идет военных операций

– а как вы узнаете о том, что немцы едут?

– так это, пограницы нам с КПП звонят, с Колпинского или Новгородского. Как вы проехали, так сразу и позвонили. Мы и приготовились. Даже у вояк ПТУРСы позаимствовали. Пришлось им два Майбаха отдать ваших.

– то есть в армии знают о ваших делах

– я же говорю, сами нас и предупреждают, и калым берут со всего, – Ильич хохотнул.

Так, побродив с полчаса по квартирам и мастерским, они вернулись в кабинет Ильича.

– знаешь, я ведь как тебя увидел, подумал, что это просто судьба, что тебя не пришили мои разбойнички. Видать, Бог очень хотел, чтобы мы свиделись.

– почему Вы так считаете?

– Да вот, посмотри, – Ильич подвел его к картине, которая висела над той скамейкой, на которой в самом начале сидели Вольдемар с Гретой, но, понятно, у них не было сил и желания развернуться и на нее посмотреть.

– плохо видно, темно

– Зина, включи люстру! – крикнул Ильич, и когда люстра зажглась, Вольдемар охнул от удивления – на стене висел старинный портрет, на котором был изображен он сам

и небольшой мужичек в барском халате, отдаленно напоминающий Ильича.

Подойдя поближе к картине Вольдемар вслух прочитал: Андрей Иванович Штольц и Илья Ильич Обломов на своей квартире. Санкт-Петербург. Улица Гороховая, вл. 3. 1847 год.

Вольдемар изумленно перевел глаза на Ильича: – это же в моей квартире!

– да, брат, да, такая вот судьба оказывается. Позволь еще раз тебе представиться – Евгений Ильич Обломов.

Глава 9

23

Шел сентябрь 1942 года. Из невзрачного домика по адресу Бейкер-Стрит, 64 вышел бравый офицер лет 43-х-44х. Осмотревшись по сторонам и подкрутив правый ус, он поднял воротник своего плаща и направился в сторону мэрии. Это был никто иной, как Коллин Габбинс, директор операций и подготовки Управления специальных операций Британской военной разведки.

Пройдя где-то полмили, он зашел в старый паб Оллсоп Армс и сел за неприметный столик вдали от барной стойки.

Подошедшему официанту он заказал кружку темного эля и свежую Таймс.

Коллин МакВеен Габбинс был, во-первых, ирландцем, а, во-вторых, человеком с головокружительной военной биографией. Он родился в конце 19 века в Токио, куда дипломатическая служба забросила его отца. Когда разразилась Первая мировая, Коллин 18 летним денди рванул на фронт, что и определило его дальнейшую судьбу. Всю войну он провёл в артиллерии на севере Франции, видел гибель своих друзей и кровавое месиво из своих врагов, пригибался под пулями и прятался от немецкого Циклона Б. Закончил вой-

ну кавалером Военного креста. Менее чем через год после Компьена направился в штаб Вооруженных сил Юга России военным консультантом и наблюдателем. Сдружился с Антоном Деникиным, однако, вместе с ним Россию и покинул, навсегда сохранив после всех этих лет нелюбовь и к немцам, и к большевикам.

Сегодня его страна сражалась в составе антигитлеровской коалиции вместе с Советами с их общим врагом, Гитлером. Но Габбинс всегда помнил о начале 1918 года, когда Советы предали англичан и подписали с немцами мир. Всегда надо быть готовым к такому же предательству. Но даже, если верность союзническому долгу сохранит Советы в строю, противоположные взгляды на мир не долго позволят быть союзниками.

Коллин понимал, что война – это всегда бардак. И в этом бардаке, несмотря на все потуги контрразведок разных стран, можно строить свое будущее, и один из кирпичиков в фундамент такого будущего английский разведчик собирался заложить именно сегодня за этим столиком.

Он развернул газету, которую принес официант, отхлебнул эля и стал читать колонку о боевых действиях в Италии.

Через пару минут к нему подошел слегка полноватый молодой человек

– здравствуйте, не вы собираете монеты эпохи Вильгельма Четвертого?

Это был пароль

– да, у меня есть несколько шиллингов и пенсов, присаживайтесь – сказал Габбинс

Когда молодой человек присел к нему за столик, Габбинс посмотрел на него и сказал:

– Вы так похожи на своего отца, что вполне можно было обойтись и без пароля, – и улыбнулся

– да, батюшка рассказывал, что вы познакомились в штабе Деникина в Таганроге. Отец тогда был у Антон Ивановича порученцем.

– было дело, времена были веселые, да и мы были молодыми, все нам было нипочём. Расскажите о себе, Евгений Ильич.

– конечно, мне можно кружечку пэйл-эля, – отвлекся он на официанта, – зовут меня, как Вы знаете Евгений Ильич Обломов, из помещиков, но родился уже в Лондоне в 1921 году. Так что я еще молод. Закончил Коллегиальную школу Северного Лондона, поступил в Кембридж на филологию, отделение славистики. Оттуда сразу в разведку. Работаю в СИС, занимаюсь радиоперехватами.

Отец и мать живы, слава Богу. Батюшка передает Вам привет и ждет в гости.

– отлично, жаль только пороху не понюхал, но ничего. Это дело наживное. Вот что, Евгений, страна хочет поручить Вам крайне ответственное задание. Для этого придется Вам вернуться на историческую родину. Детали давайте обсудим завтра на Бейкер-Стрит.

Собеседники допили пиво, пожали руки и разошлись. Габбинс пошел на работу, а Евгений двинулся домой. Сначала он было направился коротким путем, – до Мейфэр, где он жил с родителями, от ратуши было рукой подать, но он решил прогуляться по Кенсингтонскому парку, – для бешеной собаки сто верст – не крюк, – сказал он сам себе и двинулся к центру города.

Евгений был рад, что Габбинс и отец случайно встретились в каком-то магазине, где оба решили купить себе выходные ботинки, и отец порекомендовал старому боевому товарищу своего сына.

Конечно, заниматься радиоразведкой тоже было интересно, но хотелось более живой работы. А тут вообще такая возможность появляется – оказаться в России.

Папа правда всегда говорил, что той России уже нет. Теперь там большевики, которые ненавидят все, что любит семья Обломовых. Но ведь сейчас вообще идет война. Бывший папин командир, Антон Деникин, вообще обратился к Сталину с предложением помочь в войне.

Многие однополчане отца рвались защищать свою историческую родину от немцев. Большинство из них сражались с кайзеровцами в первую мировую, недовыигранную, как они говорили, войну.

О событиях на восточном фронте в семье Обломовых говорили ежедневно. Когда сын пошел в разведку, хоть это открыто и не обсуждалось, Илья Кириллович обрадовался –

это вклад в общую победу над фашистами. С 39 года и до сих пор положение для британцев было незавидное. Отдельные победы на североафриканском театре военных действий, конечно, радовали, но до перелома в Европе еще было крайне далеко. У Сталина тоже все было не ахти – Блокада Ленинграда, – родного Санкт-Петербурга, как его звали, тяжелые бои в Сталинграде, старом Царицыне, потеря почти половины страны...

Конечно, были среди русских эмигрантов и те, что желали победы Гитлеру. Не потому, что любили этого маньяка, а в надежде, что потом, после разгрома большевиков, можно будет вернуться на родину, а уж с немцами разобратся как-нибудь потом.

Размышляя о предстоящем задании, о котором он пока не имел никакого представления, он обошел весь Кенсингтонский парк вместе с Гайд-парком и подошел наконец к дому.

Наутро, позавтракав яичницей с беконом и стаканом чая с молоком и обсудив с отцом последние новости, вычитанные из утренней Таймс, Евгений отправился в штаб британской военной разведки.

Было 7 утра, но Габбинс уже был на работе.

– доброе утро, сэр, – Евгений зашел в кабинет начальника отдела спецопераций.

– доброе утро, Евгений, присаживайтесь. Итак, Вам предстоит стать советским офицером и внедриться в советскую

армию. Будете сражаться в ее рядах с гитлеровцами и информировать нас о состоянии дел в советских войсках.

– какая у меня будет легенда?

– чем проще, тем лучше. Очень много бывших выпущено из лагерей и оправлено на фронт, мы справим Вам документы, сохранив Ваше имя и фамилию, и даже происхождение. Вам ничего не нужно будет скрывать, кроме Вашей эмиграции. Будем считать, что мы уже знаем, куда Вы попадете. В 52 армию. Они ведут позиционные бои в районе Новгорода. Сбросим вас в расположение 10 минометной дивизии в районе деревни Любцы. Там народ разбирается с вышедшими из окружения солдатами 2й армии, вот вы будете одним из окруженцев. Контрразведка Вас, конечно, помучает, но, по нашим сведениям, недолго. Им надо 52ю доукомплектовать, выбытие личного состава катастрофическое. Так что справитесь. Но, мы еще Вас немного подготовим.

Как проверку пройдете, обживайтесь, пообтирайтесь, присмотритесь там ко всем. Нам не хотелось бы Вас потерять и кого-то еще забрасывать к русским. Так что на рожон не лезьте, не геройствуйте. Главная задача пока – выжить.

– Вас понял, сэр.

– Отлично. Сейчас пройдете на брифинг, с Вами поработают наши сказочники – те, кто создает легенды для разведчиков. Потом идите домой и проститесь с родителями. Завтра в тренировочный лагерь на неделю, потом заброска.

Евгений расстался с Габбинсом и прошел в соседний

блок, спустился в подвал и зашел в комнату без окон. Там он погрузился в особенности своего будущего прошлого. Два специалиста по легендированию рассказывали Обломову о его параллельной жизни на фронте и в лесах новгородчины, заставляли запоминать имена командиров армий, дивизий, бригад и отрядов, где Обломов как бы служил, и с которыми как бы пересекался. Мастера из соседней комнаты тем временем сварганили Евгению солдатский жетон и справку из госпиталя, в котором, якобы лежал Обломов.

Понятно, что у солдата, вышедшего из окружения вообще могло не быть никаких документов, но все же решили небольшой минимум создать, в виде справки из госпиталя. Она выглядела помятой и даже слегка порванной и обожжённой, и от этого вполне настоящей.

Сказочники попросили запомнить даже имя санитарки, которая ухаживала за ним в госпитале — Машенька. Госпиталь уже к этому моменту был разбомблен, а Машенька погибла, риска встречи с ней не было, а те, кто тоже лежал в этом госпитале, могли бы сей факт подтвердить.

Большое внимание уделялось одежде. Ее предполагалось минимум – кальсоны и сапоги с портянками. Все таки вышел из окружения, одежда порвалась, сгорела, утонула, променял на еду у сельчан.

Так увлекательно прошло 6 часов, за которые Евгений почти поверил, что он советский солдат. Под конец сказочники отвели Обломова в тир, где заставили отстрелять

все советские армейские пистолеты, автоматы и пулеметы, а также немецкий Вальтер и Шмайссер, выучить их название, а также потренироваться в их разборке, чистке и сборке.

Здание на Бейкер-Стрит Евгений покинул уже около 9 вечера и, минуя традиционный паб, пошел домой.

Собрав вещи, он позвал отца на кухню и вкратце рассказал об отъезде на задание.

Отец молча достал бутылку водки из серванта, два стакана, огурчики, которые мать сама закатывает каждое лето, разлил, обнял сына и сказал:

– давай, Женька, выпьем за нового русского офицера. Как бы там ни было, ты будешь сражаться за свободу России, и ты должен победить. Давай!

Они чокнулись, посидели немного и пошли спать. Вставать завтра в пять утра.

На рассвете, когда сквозь Лондонский туман еле-еле продирается утреннее солнце, молодой Обломов вышел на улицу пустого Мейфэр. К нему сразу подкатил обычный городской кэб, за рулем которого, в стандартном костюме кэбмена сидел давешний сказочник.

– садитесь, сэр, я сегодня буду Вашим шофером.

– прекрасно, долго нам ехать?

– около часа – лагерь под Ричмондом.

Всю дорогу ехали молча. Собственно, Евгений дремал, развалившись на заднем сиденье.

Действительно, через час подъехали к неприметному забору на лесной дороге под Ричмондом. Водитель показал пропуск караульному, и ворота быстро раскрылись. Подъехав к казарме, водитель попрощался с Евгением и пожелал ему удачи.

У казармы уже стоял сержант, который отдал честь Обломову и провел его внутрь.

– добро пожаловать в лагерь департамента спецопераций, сэр, здесь вы будете жить, – он показал на койку у стены, можете оставить тут вещи и идем к каптенармусу.

Эту неделю мы тренируем только русских. Поэтому у Вас будет другой наставник, сержант Питер, он русский. Мы симулируем ситуацию выхода из окружения небольшой груп-

пой солдат.

Вам придется отработать навыки выживания, переправы через водные преграды, стрельбы из советского и немецкого оружия, освоите советский воинский лексикон и также бытовую речь. А вот и Питер, сэр... – сержант англичанин отдал честь Евгению и подошедшему русскоязычному сержанту, который уже был одет в советскую форму лейтенанта артиллериста.

– извините, сэр, с этой минуты для меня Вы простой солдат, так что быстро переодевайтесь и в строй, все ждут Вас на плацу за казармой.

Обломов надел только что полученную в каптерке советскую солдатскую одежду, с грехом пополам завернул портянки и побежал на плац.

– Солдаты, равнясь, смирна! Начнем с самого главного, без чего вы не выживете – с умения одевать портянки. Показываю! Сержант Питер присел на пенек, вынул ногу из сапога, развернул мягкую ткань и медленно произвел обратное действие – обернул ступню и засунул ее в сапог. – Все поняли?

Повторяем!

Все солдаты, кто стоя, кто сидя, перекрутили портянки.

– Ну, теперь для закрепления материала пятикилометровая пробежка! Бегом, марш!

Через полчаса, завершив забег, рота очень быстро определила бездарных учеников – у трех солдат портянки были

в крови.

– Трое – свободны! – Питер отправил нерадивых бойцов в казарму. – так будет с каждым, кто будет невнимательно слушать и не выполнять задания....

Шесть тренировочных дней пролетели незаметно. Все, чему встречавший сержант обещал научить Обломова, его научили. Почти все он схватывал с первого раза, да так, что начальник лагеря обещал по возвращении задания порекомендовать Обломова в спортивную команду разведки на общебританских спортивных соревнованиях.

Утром в воскресенье сержант Питер разбудил Евгения в 4 утра: Подъем, самолет уже готов, 10 минут на сборы.

Летели почти 5 часов, пару раз казалось, что немецкие ПВО обнаружили британцев, но каждый раз проносило. Около 10 часов утра в салон вошел штурман и предупредил, что через 5 минут будет высадка. Командир десантной роты открыл дверь и скомандовал: на выход!

Пятеро десантников с парашютами выстроились в очередь.

– первый пошел

– второй пошел

– третий пошел.....

Прыгать было совсем не страшно, главное, как можно дольше не открывать парашют, чтобы с земли не заметили. Ни фрицы, ни наши, – Обломов как-то быстро усвоил, что советские – это «наши»

Прошло все удачно. Обломов спокойно приземлился в лесу, отстегнул парашют, скинул и закопал лишнюю одежду, оставшись, как того желало лондонское начальство, в подштанниках и сапогах, и двинулся туда, откуда доносился звук канонады.

Буквально через час, продираясь через бурелом, он услышал невдалеке такой же треск веток. Евгений замер – точно, кто-то бродит рядом. Он притаился и увидел двух таких же как он окруженцев, ищущих дорогу к своим.

– братья, стойте! – Евгений вышел к двум потрепанным солдатам, – из второй?

– из нее болезной

– артиллерию слышали? Бой где-то рядом, предлагаю идти вместе.

Солдаты кивнули

– Как звать-то вас?

– Матвей

– Николай Петрович, – ответили солдаты, а ты кем будешь...

– а меня можете звать просто... Ильич

Глава 10

25

Борман, видимо, только приехал и стоял со всей своей свитой в фойе бургомистерского дома приемов.

– господин Канцлер, здравствуйте! – Авдотья в сопровождении Клауса подошла и пожала протянутую руку Бормана. Обязательные зигования для гражданских были отменены еще в 1944, и так приветствовали только убежденные члены НСДАП, но таких становилось все меньше. На восточных землях вскидывание руки было вообще не принято.

– зиг хайль, герр Канцлер, – поприветствовал Бормана Клаус, которому так было положено.

– здравствуйте Хасс, надеюсь, не нарушил ваши планы?

– нет, господин Канцлер, госпожа Бургомистр предупредила меня о визите

– хм, я не говорил, что лично прилечу. Решил в последний момент. Пойдемте куда-нибудь в тихое место. Эрвин, пойдемте с нами. Бургомистр, герр Хасс, позвольте представить – Эрвин Штольц, недавно назначенный глава Абвера.

– Штольц? – Клаус удивленно поднял брови? Не знали ли вы Вольдемара Штольца?

– конечно знаю, это мой племянник, надеюсь, он в поряд-

ке?

– не уверен, герр Штольц. Последний раз я его видел в по-
сольской машине, в которую влетел противотанковый управ-
ляемый снаряд.

– о, Майн Готт, со смерти его отца в первую мировую, он
был для меня как сын... Вы точно уверены в его гибели? –
вопросил глава Абвера у Хасса, пока они шли за Борманом
и Авдотьей Кибиной в комнату переговоров.

– Практически на сто процентов, герр Штольц. Так что
примите мои соболезнования.

Откуда-то издали раздавался мощный грудной лай и из-
за угла выбежали два черных дога. Они подбежали к своей
хозяйке и начали радостно облизывать ей руки.

– Атос, Портос, бегите погуляйте, я пока занята, – но со-
баки не отставали от Авдотьи изредка обгоняя ее, а потом
радостно прибегая обратно.

Подошел дворецкий.

– Степан, заберите собак, у меня дела

Степан взял двух огромных кобелей за ошейники и повел
прочь.

– проходите пожалуйста, – Кибина приоткрыла дверь
в переговорную и пропустила вперед Бормана и Штольца,
Клаус затормозил и жестом показал Бургомистру «только по-
сле Вас»

– данке шён, – сказала Авдотья, зашла в комнату, вклю-
чила свет и нажала на звонок.

Когда уже все расселись, зашла служанка.

– Маруся, принеси нам кофейничек пожалуйста и какие-нибудь вкусности, прянички, например, и баранки, – сказала хозяйка дома

– спасибо за заботу, Бургомистр, – начал Борман совещание, – Хасс, расскажите нам все по порядку. С самого начала.

– яволь, герр Канцлер. Мы выехали из Гитлерграда большой кавалькадой. Несколько автомобилей посла, два автобуса с представителями германских компаний, в основном Сименс, и кто-то был на своих машинах, как мы с Вольдемаром Штольцем. Госпожа фон Бюлов была приглашена в машину посла.

Мы быстро доехали до КПП сразу после выезда из Колпино, немецких пограничников прошли быстро, а на советской заставе произошел затык. Госпожу фон Бюлов не хотели пропускать, даже арестовать решили, обвинив ее в том, что она нацистский преступник. Мы все пришли на КПП несмотря на то, что охрана нас не пускала вначале. Потом, как мне кажется, было уже все равно.

– да, – сказал Борман, – я в курсе. Фрау Шулленбург мне звонила, поле чего я связался с Жуковым и передал ему свои возмущения таким беспрецедентным отношением к посольству Германии.

– мы так и поняли, герр Канцлер, – продолжил Хасс, через некоторое время начальнику заставы позвонил сам Жуков, видимо, наорал на него и потребовал всех пропустить. И мы

очень быстро оттуда уехали.

Дальше мы проехали сколько-то километров, может 60, и машина посла остановилась и нам тоже приказали остановиться. Зачем-то предложили поменяться водителями

– странно, зачем? Кто-то устал? – промолвил руководитель Абвера

– в общем нет, кроме водителя посольской машины никто не менялся, другим предложили взять кого-то из охранников посла, если нет смены, но мы с Вольдемаром Штольцем поменялись, может кто-то и другой поменялся, я не знаю, но не видел, чтобы кто-то из охраны покинул машину сопровождения.

Потом мы проехали еще километров наверное 50, там была деревня Радищево, как я помню. И вдруг, мы услышали взрыв

– в деревне? – спросил абверовец

– да нет, впереди колонны. Как я понимаю, кто-то шмальнул из гранатомета, машина посла остановилась, а следом и все мы. Была растерянность конечно, и тут начали из леса строчить из автоматов, повалили какие-то люди. Мы со Штольцем поменялись местами и я погнал к посольской машине. Все это время люди из леса продолжали стрелять по нашим. Когда мы поравнялись с первым Майбахом посла, Вольдемар выпрыгнул из машины и рванул дверцу посольского лимузина. Через пару секунд наверное, я увидел какого-то партизана, который направляет ПТУРС на машину

посла. Если честно, я слегка испугался и рванул на газ. И уже за спиной услышал, как взорвалась машина посла. Я не видел, чтобы кто-то спасся. Там продолжали стрелять из пулемётов, я это слышал. А у нашего посольства и фирмачей, кроме 4х человек охраны и водителя посла оружия не было. Так что шансов, что отбились нет никаких. Сначала я гнал в сторону Москвы, но потом решил, что там мне делать нечего. Вдруг это по приказу Жукова на нас напали, тогда мне в Союзе несдобровать. И я свернул на Новгородское КПП, чтобы вернуться в Германию.

– а Вы не предполагали, что на советском КПП вас тоже могут арестовать или даже убить? – задал Борман резонный вопрос.

– я был в таком состоянии, что об этом не подумал, но в реальности такое могло получиться, как Вы предположили, герр Канцлер, – продолжил Хасс, – меня сначала действительно арестовали на советском КПП, и я там просидел несколько часов. Но потом приехал начальник гарнизона, допросил меня и отпустил.

– что Вы ему сказали?

– сказал, все как было, показал дипломатический паспорт, воззвал к совести и дипломатическим порядкам, мне кажется, он мне поверил, – заметил Клаус, вспоминая генерала Курганского.

– и Вам разрешили ехать...

– да, и мне разрешили ехать. С нашего КПП я уже позво-

нил Вам, и потом поехал в Новгород, где попал под покровительство очаровательного Бургомистра

– да, с новгородским Бургомистром нам повезло. Знаете, Авдотья, пожалуй я попрошу Вас заняться размещением моей свиты, окажите любезность, а мы тут поговорим о делах военных.

Кибина тем не менее разлила из кофейника всем кофе, разложила сладости и после этого откланялась.

– ну что, Эрвин, что думаешь? – спросил Борман

– герр Канцлер, мне кажется, что это было спланированное нападение. Возможно в этом замешан и личный водитель фрау Шулленбург. Не случайно он поменялся с охранником на несколько минут до атаки партизан. Ну а информацию партизаны могли получить со своего КПП у Колпина. Не случайно там изобразили возможный арест фрау фон Бюлов – им нужно было потянуть время, чтобы предупредить партизан и чтобы те подтянулись к месту атаки. Не живут же они у дороги.

То есть это заранее спланированная акция.

– да, но зачем она нужна? Жуков так давно добивался, чтобы мы прислали посла и продолжили переговоры о мирном договоре...

– ну, возможно, Жуков и не в курсе нападения. Мы знаем, что существуют круги в советском руководстве, которые не хотят подписания мирного соглашения с Германией. Кроме того, наша английская резидентура сообщает, что СИС

ведет работу по срыву этого соглашения, в том числе путем диверсий. Вот вам и диверсия налицо.

– ну не англичане же ее совершили? – заметил Клаус

– они могли ее оплатить, – это намного проще и продуктивнее, – заметил Штольц.

– сколько было нападавших? – уточнил Борман у Клауса

– точно сказать не могу, но никак не меньше двадцати человек, может и чуть больше, и судя по всему они были хорошо вооружены

– английским оружием?

– не знаю, вблизи не видел, может даже и немецким, звук автоматный очень шмайссер напоминал. Кстати, Кибина мне рассказывала, что на наши немецкие коммерческие караваны часто нападают. Тоже, замечу, недалеко от Новгородского КПП. Она даже хотела просить дать ей спецназ, чтобы охранять купцов, а заодно подготовить зачистку окрестностей от этих дубровских

– от кого? – спросил Борман

– ну, Дубовский это русский Робин Гуд. Пояснил Клаус.

– а что, идея хорошая, заметил руководитель Абвера.

Готов прислать 30 своих молодцов интеллектуального вида, чтобы они вместе с новгородскими купцами проникли на территорию Советов и там приступили к поиску и уничтожению партизан.

– отлично Эрвин, позвони в Берлин, и пусть эти отъявленные головорезы будут здесь завтра утром, – Борман нажал

на звонок, вошла служанка, – фрейляйн, позовите мне Альберта Бормана и фрау Бургомистра, – он откинулся в кресле, потянул кофе и откусил пряник, – мmmm, чудесные прянички у Авдотьи, вообще мне тут нравится, душевное она тут гнездышко свела. Клаус не робейте! – и Борман захохотал.

В этот момент вошел его брат.

– Альберт, свяжи меня срочно с Жуковым и обеспечьте канал связи для Эрвина, чтобы он смог свои дела с Берлинской штаб-квартирой обсудить..

– яволь, герр Канцлер, – Альберт Борман щелкнул каблучками и удалился.

Через несколько минут пришел связной с телефоном и катушкой провода, которую он разматывал, видимо от главного входа. За ним в переговорную вошла Авдотья.

– чудесные у Вас прянички, госпожа Кибина, где берете?

– так наши ведь, новгородские, медовые, на родниковой воде тесто замешивают.

– так, – Борман уже не слушал, – соединили?

– битте шен, герр Канцлер, – промолвил связист и передал трубку Борману

– Георгий? Привет! Слышал про инцидент на дороге с нашим Посольством? Как это понимать?!

– Не знал? Ну как такой великий маршал, как ты, мог не знать?

– высушишь и что? Не понял? А, это по русски накажешь? Ну зер гут.

– Мне кажется, нам стоит быстро исправить ситуацию и не дать недоброжелателям ее зачесть себе в актив, как считаешь?

– я отправляю тебе послом надежного офицера Клауса Хасса. Человек опытный, грамотный, знает русский

– да, хорошо.

– Ну и есть у меня такая идея, в качестве так сказать закрепления дружбы, провести дни Новгорода в Москве, поедет в посольской делегации Бургомистр Новгорода, фрау Кибина, ну самодеятельность всякая, купцы местные, знаешь, какие тут у них прянички медовые, закачаешься!!! Да? Ну договорились. Тогда они завтра выезжают. Попроси пожалуйста, чтобы больше на пограничном КПП задержек не было. Ну и на дорогах чтобы не шалили. С твоего позволения я бы несколько пулеметчиков на мотоциклах отправил. Нет? Своих пришлешь? Ну хорошо, я тебе верю. Ауф фидерзейн!

– Кибина, все слышала? Давай быстро собирай самодеятельность: танцы, песни, ложки, балалайки, что там у вас, и каких-нибудь купцов местных, что у вас есть такого, что предложить можно Советам? Подумай. Завтра отъезд в 11 утра.

– сегодня

– О, точно, уже сегодня. Час ночи. Пойду вздремну хоть с дороги.

Глава 11

26

Ильич и два его спутника шли по бурелому на звук канонады. Смеркалось. И очень хотелось есть. Обдирали иголки с молодых веточек елок и жевали на ходу. Но это слабо помогало.

Матвей собирал грибы в пилотку и через час их уже оказалось достаточно много, чтобы можно было пожарить. Николай Петрович развел костер и через некоторое время трое окруженцев жарили на палочках матвейские грибы.

– ну, не у тещи, конечно, но есть можно, – похвалил жареху Ильич.

Из обнаруженного рядом родника утолили жажду и решили тут и заночевать, чтобы утром тоже напиться вкусной воды. Нести ее было не в чем.

Наутро они проснулись от тихого гула. Ильич приподнял голову и увидел, что на опушке сидит целая стая тетеревов, птиц 20—30. Он тихонько толкнул спящего Матвея и приложил палец к губам. Потом показал на ветки, лежащие рядом. Матвей кивнул. Оба медленно за ними потянулись и начали плавно привставать.

Вдруг Николай Петрович открыл глаза и громко зевнул.

Птицы встрепнулись от богатырского звука и собрались улетать

– Давай, – крикнул Ильич и они с Матвеем запустили палками в стаю. По счастью попали оба и подбили двух тетеревов. С криком ура они бросились за ковыляющей добычей и добились их.

– Ну, Петрович, ты нам чуть всю охоту не сломал, – смеясь сказал Ильич, – надо же так громко зевать. За это будешь птиц ощипывать, – и он бросил тушку тетерева в ноги зевавшему солдату, – а я пойду пока костер разожгу, эх, жаль у нас соли нет.

Через час они уже крутили на вертеле две тушки тетеревов. Одну слопали тут же, вторую решил взять в дорогу – когда еще такая удача выпадет, а сколько идти – не известно.

Через пару часов они вышли к какой-то дороге, по которой, казалось, постоянно кто-то ездил – было намешано много грязи, а в развезенной осенней колее были перемешаны отпечатки гусениц и колес.

Ильич внимательно оглядел дорогу, даже потрогал рукой отдельные вмятинки от гусениц.

– Ну понятно, здесь прошли три немецких бронетранспортера Эсдэ КаЭфЗет 251, видите, у них есть и колеса и гусеницы, поэтому тут все перемешано в колее, но видно, что как минимум три гусеничных колеи пересекаются, то есть их было три, и шли они налево, – он махнул рукой в левую сторону, а вот тут, прямо с краю, посмотрите, сдвоенные такие

следы, но не большие, как у машины, а поуже, это, похоже наша дивизионная гаубица М-10 152-го калибра, и она, похоже прошла на ЗиСочке уже несколько дней как, ее след высох совсем. И в противоположном от фрицев направлении. Тут как, либо фрицы уже нашу гаубицу уничтожили, а потом прошли через лес куда-то, либо они независимо друг от друга прошли.

– ну, в любом случае, Ильич, надо идти за нашей гаубицей, иначе наших вообще никогда не догоним, – заметил Николай Петрович.

– прав, Петрович, пошли за нашими. Авось догоним.

Они шли по лесу вдоль дороги еще около часа, как вдруг вдали послышался звук мотора. Ильич прислушался: «Мотоцикл!»

Все трое вооружились крупными ветками, валяющимися под ногами, и притаились в кустарнике.

Действительно, минуты через две из-за поворота выехал мотоцикл с коляской.

– как проедут мимо, выбегаем, я мотоциклиста, ты колясочника, – шепнул Ильич Петровичу. Матвей, ты потом выбежишь и мотоцикл в лес отволочешь.

Так и получилось, когда немцы проехали засаду, Ильич с Петровичем выбежали, пригибаясь и ударили своими дубинами их по шеям, затем схватили их подмышки и выволокли из мотоцикла.

Матвей в это время догнал заскакавший по обочине мо-

тоцикл и заглушил мотор.

Пленных немцев оттащили в лес, туда же спрятали и их транспортное средство.

– ну вот, у нас теперь есть и одежда, и оружие, – сиял Матвей, – о! у них в коляске есть шоколад и галеты, живем!

Мужики связали пленных, потом перекусили немецкими запасами и приступили к допросу.

Немецкий знал только Ильич, и то на начальном школьном уровне. Но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что там, откуда они едут, с русскими покончено, и они возвращаются в Новгород, чтобы отдохнуть и получить новое назначение.

– а где наши, спроси, – теребил Матвей

– Wo befinden sich sowjetische Truppen? – Ильич даже встряхнул допрашиваемого немца

Из его сбившейся от страха речи мужики поняли, что наши войска обороняются у деревни Любцы.

– недалеко отсюда, должно быть километров 20, – заметил Петрович, – карту возьми у фрица, пусть покажет.

Они сняли планшет с пленного и развернули карту.

– Wo? Zeig es mir

Немец ткнул на карту в район размещения советских войск, а потом провел пальцем до точки, где находились они.

– Нормально, дня за три дойдем.

– Да может и за день дойдем

– не, Ильич, никак не дойдем за день, это ж надо по ле-

су идти, через буреломы, канавы, сдохнем от усталости. А с двумя привалами нормально.

– я не предлагаю идти, у нас же транспорт есть. Вы с Матвеем переодеваетесь в фашистскую форму, а меня везете как пленного.

У Матвея загорелись глаза, но он заметил:

– лучше я буду пленным, вон, у меня и гимнастерка цела почти, а ты, Ильич, будешь немцем. Ты ж говоришь по немецки, если фрицы нас остановят, ты выкрутишься.

– отлично, так и сделаем. – Ильич начал снимать с фрицев одежду.

Минут через двадцать они уже переоделись, немецкая форма подошла и Ильичу и Николай Петровичу практически идеально.

– а что с фрицами будем делать? – спросил Матвей

– а ничего, пусть ковыляют к своим со связанными ногами. Глядишь, потом и нас пожалеют, если к ним попадем, – сказал Ильич, и кинул на колени одного из немцев плитку шоколада, – и отлочи им немного глухаря, чтобы с голоду не померли – фидерзейн, фрицы!

Ильич сел за руль мотоцикла, Петрович пристроился сзади, а Матвей с комфортом разлегся в коляске с нацепленной на всякий случай на рот повязке.

– ты это, если немцы встретятся, руки за спину спрячь, как будто ты арестованный, и не мекай.

Ильич ударил ногой по лапке стартера, и окруженцы рванули в сторону Любец.

Через пару километров они заметили вдали едущий бронетранспортер. Поравнявшись с ним они отдали честь военным, ехавшим по соседству

– у вас есть закурить? – спросил по-немецки водитель бронетранспортера

Илья достал из планшета начатую пачку Зондер Мишунг и показал ее ефрейтору с БТР. Тот нажал на тормоз и двое

солдат подошли к мотоциклу. В этот момент Матвей достал из под своей задницы Вальтер и точными выстрелами пристрелил обоих фашистов.

– Отлично, Матвей, переодевайся в ефрейтора, правда вся грудь в крови, но прикроешь чем-нибудь... и садись за бронетранспортер. Водить умеешь?

– разберемся, – ответил Матвей, натягивая немецкую гимнастерку.

Они опорожнили планшеты и заплечные ранцы убитых немцев и закинули их раздетые тела в канаву. Два шмайссера и еще один Вальтер бросили в коляску. Петрович тоже пересел на БТР и они продолжили свой путь.

Ближе к вечеру они слышали пулеметную стрельбу и отдельные артиллерийские залпы.

– Подходим к линии фронта, – заметил Петрович, – теперь главное, чтобы свои не подстрелили.

– Снимайте подштанники! – приказал Ильич

– Чего?

– Снимайте, говорю, привязываем их к шмайссерам, поднимаем над головой как флаг и едем, пусть наши думают, что это немцы сдаются, все равно отсюда не объяснить.

Так они и сделали. Сняли белые подштанники, привязали к дулам автоматов, подняли их над головой и под ржание советских солдат въехали в расположение 52 армии.

Понятно, что Ильича с приятелями немедленно арестовали, но на всякий случай, допуская, что история, которую они тут же, по прибытии, всем рассказали, может быть правдой, решили хорошо накормить. Благо только подъехала полевая кухня, Ильичу, Матвею и Николаю Петровичу достался и суп, и каша с тушенкой. И даже по два куска хлеба.

Перебежчики угостили красноармейцев немецкими сигаретами, благо в коляске обнаружился целый блок Зондер Мишунг.

Но порядок есть порядок, и с окруженцами начала работать армейская контрразведка.

Как и предполагали сказочники из СИС, справочка из госпиталя очень пригодилась. Начальник контрразведки тоже лежал в этом госпитале и прекрасно помнил эту медсестру, так что допрос как-то быстро перешел в теплую беседу.

Узнав, что у Евгения высшее образование, но он до сих пор сержантом по причине происхождения, контрразведчик написал рапорт на имя командарма о присвоении Обломову звания старшего лейтенанта.

У Матвея с Петровичем все еще проще и быстрее прошло – в той роте, которая как бы поймала переодетых перебежчиков, нашелся их однополчанин, который их признал и дал соответствующие заверения.

Обломову поручили возглавить 608 артиллерийский полк 165 стрелковой дивизии.

Евгений Ильич явился в распоряжение начдива полковника Василия Ивановича Морозова всего через три дня после благополучного выхода из окружения.

Василий Иванович, вместе с начальником штаба полковником Кулиничем склонились над картой, которую они уже видели каждую ночь во сне, ибо стояли они на одном месте уже почти полгода.

– Товарищ полковник, Старший лейтенант Обломов прибыл в Ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы, – и подал письмо командарма Яковлева.

– Тэкс, посмотрим, что нам пишет Всеволод Федорович, угу... Обломов Евгений Ильич, старший лейтенант, назначен командиром 608 артиллерийского полка 165 стрелковой дивизии. Да, брат, а ты раньше чем командовал.

– Ничем, товарищ полковник. Но в артиллерийском деле разбираюсь отлично. Отец был артиллеристом в первую мировую и я впитал, так сказать, с молоком

– Отца?! – закончил стоящий рядом начштаба и заржал

– Тэкс, ну что ж, впитал, говоришь, ну, давай тогда, принимай полк, людей у меня там катастрофически не хватает, всех перебило за последние полгода, а пополнение что-то слабо пополняется

– Товарищ полковник, разрешите обратиться

– слушаю

– Разрешите мне взять мужиков, с кем мы из окружения выходили, проверенные бойцы, по ходу дела четырех фрицев уложили и два транспортных средства экспроприировали, я, вон, кстати, на одном прикатил, – Ильич показал на мотоцикл, – а БТР фрицевский контрразведка себе забрала.

– ладно, герой, забирай своих бойцов, раз доверяешь и походи-ка, – Морозов подвел Евгения к карте боевых действий. – вот тут мы окопались, тут фрицы, видишь ли, до них наши снаряды не долетают, поэтому можем только их атаки отбивать, а сами продвинуться не можем – их стволы по нам легко бьют.

– а что у нас на вооружении из артиллерии?

– четыре М-10 и семь 76-мм пушек

– не густо, – заметил Ильич, – а что из транспортных средств?

– лошади, и один ЗиСок, который на ладан дышит

– мне кажется, что без изменения диспозиции нам виктории не раздобыть, – заговорил Обломов белогвардейскими шаблонами

комдив и начштаба удивленно посмотрели на старшего лейтенанта

– надо ночью передвинуть орудия на километр в сторону немцев и под утро открыть огонь. При этом, я бы предложил и бойцов передвинуть перед артиллерией, чтобы сразу пойти в атаку, – не стушевался Обломов

– ну вот, старлей, давай, действуй. Петров, – Морозов по-

звал адъютанта, – садись со старшим лейтенантом к его мотоцикл и покажи дорогу до 608го. Я сейчас приказ подпишу и передашь начштаба Калинин. А бойцов твоих мы пришлем, – добавил Морозов, обращаясь уже к Евгению Ильичу.

Через двадцать минут Обломов уже гнал на своем мотоцикле на новое место назначения.

Глава 12

29

Хеннинг фон Тресков вышел из здания Адмиралтейства с двумя офицерами охраны и направился домой. Он всегда ходил до дома пешком, даже в плохую погоду. Это давало ему время подумать о своем без того, чтобы его отвлекали сотрудники, тем более, что он жил не так далеко – на Маннергеймштрассе в доме Белосельских-Белозерских, переделанном в резиденцию гаулейтера.

Пару часов назад ему позвонил Борман, который разговаривал с Клаусом Хассом. Произошло поистине чудовищное событие – нападение на посольство Германии, которое направлялось в Москву.

Он только вчера общался с фрау Шуленбург и ее коллегами, со Штольцем, с фройляйн фон Бюлов, а сегодня они уже все мертвы. Невыносимая история. Хеннинг рвался позвонить Жукову, но Борман потребовал этого не делать, он сам собирался позвонить и объясниться.

Гаулейтер был возмущен до глубины души. Прошло 17 лет, и, несмотря на все существовавшие еще между Советами и Рейхом проблемы, расстрел посольства казался чудовищным преступлением.

Хеннинг, несмотря на глубокие военные корни его семейства, был абсолютно миролюбивым человеком. Тогда, в марте 1943 года он реализовал дело все жизни – прекратил войну. Для этого потребовалось убить Гитлера, но ничего другого не представлялось возможным сделать для мира.

Все были загипнотизированы фюрером, его харизма делала людей послушными марионетками. Хеннинг часто замечал, как стекленели глаза у масс в присутствии руководителя фашистской Германии. Не стоило надеяться, что положение могут изменить убеждения и увещевания. Они, конечно, тоже были – фон Тресков общался и с фюрером, и с его приближенными, пытаясь отговорить от военных действий против Советов.

Но это только привело к тому, что Мюллер взял его на карандаш, и периодически вызывал в Гестапо для проведения «воспитательных» бесед. Обычно, эти беседы проходили рядом с пытошными, откуда доносились истошные крики арестантов.

И тогда у него случилась глубокая депрессия, из которой его вытягивала его любимая Эрика. Она была его лучиком света среди коричневого мира.

Конечно, даже Эрике нельзя было полностью доверять. Все таки она была дочерью своего отца – Эриха Георга Себастьяна Антона фон Фалькенхайна, военного министра, а после начальника Генерального штаба кайзера Вильгельма. Именно Эрих, вместе с Мольтке, втянули Германию

в Первую Мировую Войну.

Эрика была его любимой дочерью, и, хотя он уделял ей мало времени, он не мог не привить ей чувство превосходства германской нации.

Эрика вышла замуж за фон Трескова через четыре года после смерти отца и перенесла на него всю свою дочернюю любовь, поэтому Эрика и Хеннинг были очень привязаны друг к другу и наслаждались каждой минутой, проведенной вместе.

Около красного особняка стоял караул из двух офицеров СС, которые вскинули руки, приветствуя гаулейтера.

Фон Тресков привычно махнул рукой, вошел в подъезд и поднялся по парадной лестнице

– Милый, я так рада, что ты вернулся, – навстречу из своей комнаты вышла Эрика

– Добрый вечер, дорогая, к сожалению, день был очень тяжелым и даже печальным

– Что произошло? – с тревогой спросила жена

– нападение на наше посольство. Звонил Борман, говорит, что погибли практически все

– А Криста?!

– Она точно погибла. В ее машину попал управляемый снаряд.

– Майн Гот, какое горе! Какое горе – Эрика заплакала. Семьи Шулленбургов и Тресковых давно дружили и гибель Кристи-Вернфридисы она восприняла как личную тра-

гедию. Наверное хорошо, что ее родители не дожили. Это просто ужасно. Когда привезут ее тело? Надо же ее похоронить.

– я пока не знаю. Борман взял на себя переговоры с Жуковым. Но, конечно, надо все сделать, чтобы тела погибших вернуть и похоронить. Я собираюсь поговорить с Мартином, обсудить детали, а потом решим, как действовать. Пойду переоденусь. У нас есть что-нибудь поесть? – спросил фон Тресков заходя в свою комнату.

– Да, – Барбара приготовила чудесное рагу из оленины и твой любимый борщ. Господи, в такой обстановке даже есть не хочется

– Ну, я так устал и проголодался, что без еды не протяну.

– герр Гаулейтер! – раздался с первого этажа голос адъютанта фон Трескова

– да, Фабиан!

– Мартин Борман на связи, требует Вас к телефону.

– Переведи в мою комнату

– Яволь

Гаулейтер снял трубку

– Зиг хайль, герр Канцлер

– Привет, Хеннинг. Ты уже дома, я слышу.

– Да, герр Канцлер

– Завидую, а я только прилетел в Новгород

– В Новгород? То есть Вы совсем недалеко.

– Да, рядышком. Поговорил с Жуковым после того, как

выслушал Клауса Хасса. Ничего утешительного, похоже, все погибли, кроме Клауса. Жуков, якобы, удивлен. И якобы не в курсе. Я особо ему не верю, но, с другой стороны, он же предлагал обменяться посольствами. Советское еще не пришло, и вряд ли Георгий хотел бы, чтобы мы его Фауст-патронами обстреляли, как они наше.

– Ну, может и не они. Вдруг это какие-то диверсанты

– Может. Все это надо выяснить. Я завтра буду у тебя со Штольцем

– Вольдемаром?! Он жив

– Нет, не с ним. С Эрвином, его дядей, руководителем Абвера. Попроси гетлерградское Гестапо сформировать следственную бригаду из профессионалов сыска. Мне кажется, мы вправе настаивать на участии в расследовании.

– да, мой тесть тоже отстаивал такое право для австро-венгров после убийства эрцгерцога, и что из этого вышло?!

– ну, это другой случай, хотя, казус белли здесь более серьезный

– ну, это от нас зависит, точнее, от Вас, канцлер

– Тресков, ты же не думаешь, что у меня есть желание развязать войну, хотя Шулленбург жалко конечно. Я решил назначить послом Клауса Хасса. Он проверенные боец, мы его давно знаем. И он был в составе Посольства, то есть как бы мы сохраняем преемственность.

– Прекрасное решение, канцлер. Хасс конечно не имеет такой родословной, но он смысленный малый, выполнит воз-

ложенные на него задачи не хуже Кристи-Вернфридисы
– да, жаль, ты же был весьма дружен с ее отцом. Он же
был в твоей команде тогда в Смоленске.

– что Вы, Канцлер, Вернер и в Смоленске-то не был.

– ладно, хитрец, до завтра, точнее, уже до сегодня, время
полвторого ночи. И не забудьте позвонить Хофману, чтобы
он уже утром был готов и взял с собой на совещание началь-
ника следственной бригады.

– яволь, герр Канцлер. Спокойной ночи.

Гаулейтер поднялся наверх. Эрика ждала его в гостиной.

– Ну что, будем ужинать, радость моя?

– Все уже остыло, дорогой, но я велю подогреть.

– Давай что-нибудь легкое, оленину и борщ я уже не осилю. Может салат какой-нибудь и чай с медом?

Эрика позвала дворецкого и объяснила, чтобы они хотели перекусить

– ну что сказал Борман?

– он переговорил с Жуковым. Но ничего конкретного. Жуков вроде бы был не в курсе этого нападения. Сегодня Мартин приедет в Гитлерград.

– прекрасно, приводи его к нам на обед

– слушай, ну нас прекрасно покормят в Адмиралтействе, вряд ли он захочет терять время на перемещения по городу.

– ну тогда на ужин

– на ужин попробую

– только предупреди меня заранее, чтобы я дала соответствующие распоряжения. Я помню, что он очень любит креветки.

– я попрошу Фабиана, чтобы он держал тебя в курсе.

Супруги поели, помянув в конце ужина дочку Шуленбурга. Эрика даже всплакнула. Тресков подошел и обнял ее.

– Пойдем спать, дорогая, у меня сегодня тяжелый день

– Да, милый, – прошептала Эрика, вставая из-за стола.

Через 10 минут в доме стало тихо, и сумерки белых ночей с трудом протискивались сквозь задернутые гардины.

Тресков не мог заснуть. Он лежал и думал о Вальтере Шулленбурге и его дочери.

Без Вальтера ничего бы не было. Именно ему отводилась роль связного, между заговорщиками, и ставкой Сталина. Шулленбург проинформировал по своим каналам Молотова, что крайне важно, чтобы с 10 по 15 марта 1943 года под Смоленском не велось никаких наступлений.

Наверное, Молотов подумал, что это какая-то фашистская хитрость, но веря своему старому приятелю Шулленбургу, он попросил Сталина отдать приказ воздержаться в течение трех дней от военных действий под Смоленском.

Трескову это нужно было для того, чтобы Гитлер не испугался лететь в военный лагерь для инспекции.

И Гитлер прилетел на своем любимом Кондоре 13 марта.

Встретивший его у трапа Гюнтер фон Клюге чуял что-то неладное, но не был готов к такому развитию событий: по пути из аэропорта в тренировочный лагерь машина фюрера подорвалась на mine. Мо крайней мере, так всем потом рассказали. На самом деле, Фабиан засунул бомбу в автомобиль вместе с багажом Гитлера, а сам поехал следом на своем Опель-Капитане несколько поодаль. Стеклоанный взрыватель сработал на очередной кочке, и Третий Рейх лишился своего диктатора.

Потом были переговоры с Советами о перемирии, в которых Шуленбург принял активное участие, а потом он отошел от дел и уехал в свой замок в Баварии.

Пару раз он приезжал к фон Трескову в гости в Гитлерград, который он, как и многие бывшие руководители Третьего Рейха, именовал Гитбургом.

– интересно, – думал засыпая Хеннинг, встретился ли он там на небесах со своей дочкой?

Борман приехал к часу дня. Фон Тресков встречал его у Адмиралтейства и сразу повел пообедать, ибо все прекрасно знали, что Борман больше всего в жизни любил поесть. То есть раньше он еще любил и женщин, но теперь вторая его страсть отошла на задний план.

– Кстати, познакомьтесь Хеннинг, это Эрвин Штольц, новый руководитель Абвера.

– Очень рад, думаю, мы виделись во время войны.

– Наверняка, я тоже очень рад.

– Надеюсь Вы окажете содействие расследованию? – спросил гаулейтер

– Конечно, Хеннинг, Эрвин будет курировать расследование, и даже даст пару своих специалистов, но я хочу, чтобы группа была сформирована гитлерградским гестапо, Посольство выехало же отсюда, и им с руки именно отсюда и вести расследование.

– господин Канцлер, разрешите доложить, что группа уже сформирована. Руководитель группы, наш лучший сотрудник штурмбанфюрер СС Людвиг фон Дорн, в усиление ему придан заместителем начальника следственной группы оберштурмфюрер Лаврентий Пронин, до Гестапо он служил в НКВД, знает все штучки русских, – отрапортовал начальник Гитлерградского Гестапо Франц Хофман.

– вот и отлично, с Жуковым я с утра ваше участие согласовал. Он обещал сформировать общую группу, так что будете работать под началом полковника МГБ Владимира Шурупова. Сбор сегодня в 16:00 у Колпинского КПП, с советской стороны, естественно. Так что, обедать не будете, соберайтесь и выезжайте.

– слушай, Хеннинг, а поехали к твоей жене сегодня поужинаем, она такие чудесные равиоли с креветками готовит, – сказал Канцлер и похлопал гаулейтера по плечу.

Глава 13

32

608 полк стоял на отшибе деревни Любцы, аккурат на пригорке. От самой деревни, которая под тем пригорком была, почти ничего не осталось, так, пару печных труб. Хотя нет, два дома уцелели. В одном из них был полковой штаб.

Евгений Ильич, с начальником штаба клонились над картой, изучая местность.

– вот мы находимся тут, – показал пальцем начштаба Сергей Дорофеев, – немцы в двух километрах от нас, да еще за горой. Они стреляют по нам по баллистической, и почти всегда попадают. Каждое попадание – пару человек долой, и пару пушек в ремонт. А где сейчас ремонтировать: ни запчастей, ни мастеров.

– А сколько там человек у них? И какая техника? Кто-нибудь знает?

– Никак нет, товарищ командир полка. Информацией не владеем. Так, по числу одновременных залпов предполагаем, что у них пушек 15 типа нашей 152й и минометы

– минометы это плохо. Надо бы узнать поподробнее. Мои бойцы приехали?

– Так точно, в блиндаже сейчас.

– Позовите.

Начштаба послал бойцы в полковой блиндаж у батареи и вернулся к столу.

– Я думаю, надо совершить маневр. Передвинуть орудия на полтора километра вперед, – приказал Обломов

– У нас нет такой возможности.

– Почему?

– Потому что нечем двигать. Один Зис и 10 лошадей, а на одну 152ю нужно 8 коников

– Ладно реквизируем у братьев по оружию.

– это у кого?

– ну у соседних полков дивизии. Петров, соедините меня с Морозовым.

– Василий Иванович? Здравия желаю. Обломов говорит, командир 608го. Василий Иванович, крайне нужно несколько грузовиков и все лошади, которые есть в дивизии. Почему никто не даст? Я верну. Ну погибнут, верну туши, поедят хоть мясо. Нет, я не шучу. Крайне нужны! Одну машину только? Почему? Вообще больше нет? А с полевых кухонь? Ну они ночью не заняты. Ну вот, три машины уже есть, а по лошадям я тогда сам могу с командирами полка договориться? Отлично, спасибо Василий Иванович, здравия желаю!

Так, – Ильич положил трубку и повернулся к Дорофееву, три машины нам дают, итого у нас 4 машины. Лошадей давать не хотят, точнее, Морозов говорит, чтобы я сам догово-

ривался. Но я чую, не дадут их мне. А вот и мои бойцы. Матвей, Николай Петрович, вот что братцы, для вас у меня важнецкое задание, возьмете трех бойцов и добудьте мне языка из фрицевского артиллерийского полка, что за горой стоит. Он нужен немедленно, так что вам на все про все два часа.

– Есть, товарищ командир полка. Можно идти?

– Идите. Удачи!

– Так, Сергей, у нас есть в полку цыгане?

– Да, двое Илья Кару и Роман Бине

– отлично, давай их сюда

Начштаба еще раз озадачил бойца заданием.

Тем временем Матвей с Петровичем решили бойцов не брать, а переоделись в захваченную немецкую форму, захватили моток веревки, тряпку, ели на мотоцикл с коляской и поехали в сторону немцев. Правда не в открытую, а по лесной дороге, чтобы никто в итоге не понял, откуда они приехали на немецкие позиции.

Подъезжая к месту расположения фашистов, Матвей увидел молодого немецкого ефрейтора, который стоял у березы и писал.

Мотоцикл затормозил, Матвей слез с него и сделал вид, что он что-то чинит а районе заднего колеса. Потом он выпрямился и махнул ефрейтору: «Ком цу мир, битге»

Ефрейтор подошел, нагнулся рядом с Матвеем и тут Петрович ударил его по голове кулаком и начал вязать.

Всего через полчаса наши друзья были уже у штаба полка

с языком

– Ну ни хрена себе! – сказал Обломов, когда его товарищи заволокли связанного ефрейтора в избу, – как это вы там быстро управились?

Матвей рассказал про совершенный блиц криг, чем крайне порадовал Обломова

– ну артисты! Ну молодцы. Ладно, распеленывайте вашего фрица, поболтаем с ним.

Через полчаса Обломов уже знал, что немцы стоят под горой компактно. У них всего один большой блиндаж на целую батарею. И хотя он защищен хорошим накатом, охраняет его всего один часовой.

Всего их там 80 человек: 40 на дежурстве у батареи, 40 отдыхают.

Фриц показал на карте расположение блиндажа, а также две дороги, которые туда ведут.

– Так-так, понятненько, – сказал Обломов, радостно почесывая подбородок. В этот момент в комнату вошли солдаты-цыгане.

– привет, ромалы, – улыбнулся Обломов вновь вошедшим

– здравия желаем, товарищ командир полка.

– вот какое дело, братцы. Нам надо будет пушки двигать, а коней нет. Зато в соседнем полку есть целый табун – 10 лошадей. Нам нужно его позаимствовать у них этой ночью. Сможете сделать? Илья Кару и Роман Бине переглянулись.

– конечно сможем, командир, -сказал Илья

– тогда давайте тихо, чтобы никто не знал и не обижался потом. Лошади нам нужны к часу ночи.

– слушаюсь, – синхронно сказали бойцы и удалились.

– Матвей, Петрович, вот вам еще задание, раз уж вы у меня такие артисты. Снимите с этого ефрейтора одежду, возьмите еще кого-нибудь и дуйте в час ночи к фашистскому блиндажу. Как увидите в небе красную осветительную ракету, снимаете часового и закидываете блиндаж гранатами. Я думаю, это будет где-то два часа. И прикончите потом их всех в этом логове.

– ясно, Ильич

– давайте, надеюсь на вас

Матвей и Николай Петрович ушли, а Дорофеев опять подошел к карте:

– стало быть орудия втащим на другую горку, вдарим по их батарее, а в это время Матвей с товарищем захватят блиндаж.

– точно, – заметил Обломов

– но ведь на высоте, куда мы хотим затащить наши пушки, все время сидят наблюдатели немецкие. Они нас заметят, как только мы начнем движение

– ну, во первых. Сейчас рано темнеет и мы закроем все орудия маскировкой, во-вторых, мы предварительно бабахнем по этой высоте, и наблюдатели на полчаса спрячутся. И мы для прикрытия оставим два орудия на месте, и они потом еще пару раз вдарят по этой высоте, чтобы не высочу-

вались. Кроме того, я предполагаю, что мы отвлечем немцев с правого фланга.

– кем, ну нас же нет людских ресурсов

– попросим дивизию. Петров, соедини еще раз с комдивом. Василий Иванович, помощь нужна ваша... да-да, за Зисы спасибо. Мне нужно прикрытие с правого фланга. Там 65-я стоит, не попросите их пошуметь где-то в час ночи? Нет, в атаку идти не надо, можно просто пострелять из окопов. С командармом? Хорошо.

– Морозов приказал явиться к командарму. Он сам туда поедет. Дорофеев, берите карту и поехали.

Они быстро собрались, по дороге Обломов приказал ординарцу покормить раздетого пленного, потом они с начштаба запрыгнули на мотоцикл и поехали.

Ехать было недолго, штаб армии располагался в 10 километрах. Так что по сухой дороге доехали за 20 минут.

– товарищ командарм, разрешите обратиться, командующий 608 м артиллерийским полком 165 стрелковой дивизии старший лейтенант Обломов.

– валяй, сынок

– Дорофеев, карту.

– товарищ командарм, есть предложение занять сегодня ночью стратегическую высоту номер 8 и разгромить артиллерийский полк неприятеля. Для реализации этой задачи предлагаю произвести диверсию в расположении противника, одновременно под покровом темноты и прикрытием

двух оставшихся орудий перевести батарею на новую высоту и в упор расстрелять батарею противника, которая находится в пригорке.

– неплохая идея. Кто будет совершать диверсию?

– проверенные ребята мои. Они за полчаса языка приволокли оттуда. Пролезут через игольное ушко.

– что от меня хотел?

– нам нужно дополнительное прикрытие, Всеволод Федорович, вот тут, – Евгений Ильич показал на карту, – стоит 65 стрелковая дивизия, с правого фланга. Мне надо, чтобы она в час тридцать ночи открыла огонь по артиллеристскому полку фашистов. Мы в это время будем ползти со своими М-10 и нам очень нужно, чтобы на нас не смотрели.

– ну что ж, скажу Николаевскому, чтобы он распорядился открыть огонь в час тридцать ночи.

– благодарю! – вытянулся Евгений Ильич и почти шелкнул каблуками

– Хм, командарм посмотрел на Обломова, скажите, а Илья Кириллович Обломов кем Вам приходится?

– отцом, товарищ командующий армией.

– надо же, когда то в первую мировую мы служили с ним в одном полку. Передавайте привет, если увидите.

– честно говоря, нас судьба сильно развела, но если вдруг увижу, обязательно передам.

В это время в штаб ворвался Морозов.

– О, Василий Иванович, дорогой, мы уже все обсудили,

с Обломовым, – сказал начдиву командующий армии. Приказ по 65 дивизии я сейчас организую. Молодец он у тебя. Инициативный. Посмотрим, как пройдет операция.

Кстати, Обломов, может мы разовьем ваш успех атакой на позиции немцев после того, как вы займете высоту? Что скажете.

– Идея неплохая. Давайте, как у нас закончится атака мы пустим зеленую ракету.

– Ну отлично, тогда Николаевскому будет чем заняться до утра.

– Могу идти?

– Идите, Евгений Ильич, успехов.

Обломов козырнул своим командирам и развернулся. В этот момент адъютант Яковлева подошел к командарму:

– товарищ командующий армией, разрешите обратиться к командующему дивизией?

– разрешаю

– товарищ командующий дивизией, вам звонит начштаба 165 дивизии прошу к аппарату.

Морозов взял телефонную трубку и через минуту заорал:

– Как обокрали конюшню и всех лошадей увели?! Всех расстреляю!

На этих словах вскочившие на мотоцикл Обломов и Дорофеев вдарили по газам и помчались в полк.

Через час они были уже у себя в полковом штабе. На столе стояла горячая картошечка и крынка молока.

– о, Андревна, ты как всегда о нас не забываешь, – воскликнул Евгений Ильич, налил себе и Дорофееву по кружке молока и откусил горячую картофелину... Ну что, Серега, докладывай.

– Значит наши цыгане уперли в 751 полку 10 лошадей и 562 полку 7 лошадей. Вместе с нашими это 27 лошадей. Плюс у нас четыре грузовика. На грузовиках как раз дотащим четыре М-10, и, если мы две пушки оставляем для прикрытия, у нас остается 5 76-миллиметровых, это двадцать пять лошадей. Двух даже в замену можно.

– Прекрасно. Артисты выехали?

– Матвей и Николай Петрович? Кажется да. Они взяли Ваш мотоцикл, еще одного бойца переодели с собой и укатили.

– Ну хорошо. Маскируйте орудия, пристегивайте лошадей, цепляйте к машинам. В час ударим общим залпом. Потом через полчаса двинемся.

Ровно в час ночи Матвей, Николай Петрович и Степа, которого они взяли прямо из блиндажа, просто прикинув мысленно на него ефрейторский сюртучок, подъехали к тому месту, где давеча взяли языка. Завели мотоцикл в кусты и крадучись пошли к немецким позициям.

Вот и окоп у белой березы, о котором говорил фриц. Они спрыгнули в него и пошли в сторону блиндажа, который и показался в ночной дымке метров через двести. Блиндаж действительно охранял один караульный.

– Руки вверх, – зачем-то по русски закричал ему Степа. От неожиданности караульный выстрелил. Степа упал за-мертво. Терять уже было нечего, Петрович открыл по караульному огонь из шмайссера, а Матвей, перепрыгнув через его падающее тело швырнул внутрь блиндажа связку из трех противотанковых гранат.

Раздался оглушительный взрыв, отбросивший Матвея далеко от окопа. Петрович ворвался внутрь и на всякий случай прочертил очередью контрольный круг.

Тем временем, вся артиллерия Обломова, за исключением двух отвлекающих пушек, медленно двигалась к высоте номер 8. Где-то вдали, на правом фланге раздалось многочисленные выстрелы – это 65-я дивизия начала отвлекающий маневр.

До высоты оставалось 300 метров, но там Обломова не только не ждали, но наоборот, все силы немецких артиллеристских расчётов были брошены на Матвея с Петрови-чем, которые заняли круговую оборону у блиндажа.

Петрович разложил возле каждой бойницы по шмайссеру, что он собрал у местных покойничков, в Матвей, с оставши-мися гранатами притаился снаружи, чтобы оборонять вход в блиндаж.

Немцы активно обстреливали свою бывшую цитадель, полностью забыв о тылах. Петрович стрелял не глядя из двух шмайсеров в две бойницы, а Матвей забросил одну за дру-гой все три гранаты в те места, откуда фашисты вели огонь.

– Уходить надо, – крикнул Матвей Петровичу, повесил на себя два шмайсера, выстрелил еще из одного в окно, уве-личив до трех число бойниц блиндажа, изрыгающих пламя в атакующих немцев.

– Никуда мы не пойдём Матвей, будем держать оборону, – сказал Петрович и начал вести прицельный огонь.

– Эх, ма! – крикнул Матвей и тоже встал с автоматом к ок-ну.

В это время раздался оглушительный грохот, как будто Илья Пророк проехался на колеснице прямо под бойницами блиндажа.

Батарея Обломова добралась до места и начала разгром немецкой артиллерии с короткой дистанции. Высота была взята.

Глава 14

34

Полчетвертого к советскому КПП Колпинский со стороны Германии подъехал шикарный Мерседес-Бенц SL 300, за рулем которого был Людвиг фон Дорн, и Фольксваген Жук Кабриолет, в котором восседал Лаврентий Пронин. Лаврентий помахал фон Дорну рукой, Людвиг кивнул своему коллеге и они оба стали ожидать, когда к ним подойдет советский пограничник.

А пограничник все не подходил и не подходил. Фон Дорн был само спокойствие – аккуратно постриженные усики замерли, руки в коричневых кожаных перчатках не двигались, обхватив баранку руля, глаза почти не моргали.

Напротив, Лаврентий Пронин источал нервозность. Во-первых, он внутренне был не готов к посещению СССР, где к нему могли отнестись весьма предвзято. Все таки он остался на территории Рейха и более того, служил в Гестапо. Во-вторых, его действительно раздражало, что пограничник никак не может подойти. КПП на германской территории они прошли за 5 минут. Показали документы и вперед. Пронину было 45 лет, и он еще помнил советские порядки, когда к каждому человеку относились как к неодушевленному

предмету, а власть чиновника была абсолютно.

И вот он снова в этом столкнулся. Как хорошо, что Германия большая – от Гитлерграда до Триеста, и от Смоленска до Дюнкерка. Везде можно путешествовать, не встречая пограничников. Да и Испания, Финляндия и Италия так же не имеют пограничного контроля с Германией. Это очень удобно, – Пронин непривычно теребил в руках быстро справленный сегодня заграничный паспорт.

Наконец, вышел пограничник.

– Ваши документы

Людвиг протянул свой паспорт и заметил:

– Вы не переживайте, старшина, жена вас простит, просто у нее послеродовой синдром

– Откуда вы знаете? – воскликнул пограничник

– Да все просто: у вас на штанине свекла от борща, если бы вы ели и обронили, она бы была у вас на груди, а так, понятно, что жена замахнулась на Вас половником, варя суп. И левая сторона щеки у Вас не добрита. Значит выбежали из дома хлопнув дверью. А что послеродовой синдром – так у вас детская присыпка на левом рукаве уже въелась.

– Чудеса, а откуда знаете, что простит?

– Так всегда бывает, тут никакой дедукции и не надо. Где она другого-то найдет, когда маленький ребенок на руках, – и Людвиг тихо засмеялся.

Пограничник поставил штамп в паспорт удивительному немцу и подошел к Лаврентию. Увидев, что у германца рус-

ские имя и фамилия, старшина нахмурился: «Минуточку», – сказал он и пошел в здание КПП.

В это время таможенники закончили проверять багажник и днище Мерседеса Фон Дорна и дали ему сигнал проезжать, открыв шлагбаум.

– Я мог бы подождать своего товарища? – спросил Фон Дорн.

– Не положено, – ответил таможенник и сурово добавил, – Проезжайте! Подождете на Советской земле.

Людвиг медленно выкатился за шлагбаум и припарковался у обочины. Там уже стоял шикарный ГАЗ-12, из которого вышел статный полковник Госбезопасности СССР.

Он подошел к купе фон Дорна, козырнул и представился:

– полковник Владимир Шурупов, по распоряжению маршала Жукова, буду возглавлять общую бригаду по расследованию нападения на Посольство Германии.

– Людвиг фон Дорн – руководитель криминального сыска Гитлерграда

– Очень приятно, мне говорили, что должно быть от вас два представителя

– Так и есть, но мой товарищ, Лаврентий Пронин, застрял на вашем пограничном досмотре.

– Подождите секундочку, – сказал Шурупов и пошел на КПП.

Через две минуты под шлагбаумом проехал бирюзовый Жук и тоже припарковался на обочине. Вышедший Шурупов

весело заметил:

– Чуть не посадили вашего Лаврентия, он же невозвращенец и гестаповец, еле отбил, – и, махнув рукой, добавил – поезжайте за мной.

Кавалькада из трех машин на полной скорости промчалась километров сто, не встретив ни одной машины. У деревни Радищево трасса оказалась перекрыта и вдоль переносного заборчика стояло шесть солдат с ружьями.

Шурупов показал какую-то бумажку подошедшему к нему солдату, который вытянулся по стойке смирно, кивнул полуобернувшись на две машины, Людвига и Лаврентия, двигавшиеся за ним, и двинулся медленно вперед мимо расступившегося вместе с солдатиками заборчика.

Метров через сто сыщикам открылась картина вчерашнего побоища: раскуроченные автобусы, сожженные лимузины, трупы, разбросанные по дороге, многие из которых были раздеты.

– попросите ничего не трогать, – сказал Людвиг Шурупову

– никто ничего и не трогает. Георгий Константинович приказал полностью оцепить место нападения и никого не подпускать.

– хорошо, пойдемте, Лаврентий, – фон Дорн вышел из машины и пошел в сторону места преступления. Через полминуты его догнал Пронин.

– Семь Майбахов Цеппелинов, четыре мерседесовских ав-

тобуса на 24 человека каждый, восемь Хорьхов и два Опель-Кадета, так вроде по списку должно быть? – рассуждал вслух Лаврентий, рассматривая свои записи.

Фон Дорн молча шел от машины к машине, рассматривая погибших пассажиров внутри и на земле.

– Интересно, нет трех машин. Про один Хорьх мы точно знаем, что он пробился и доехал до Новгорода. Но нет еще одного Хорьха и одного Опель-Кадета, – констатировал Пронин

– Мы можем свериться со списком и дать номера отсутствующих машин? – спросил Шурупов, – хотя, мне кажется, в Союзе Хорьх и Опель-Кадет трудно спрятать. Единичные экземпляры. Да и машин у нас, чай не в Америке.

Фон Дорн присел на корточки и внимательно посмотрел на колею, которая шла по обочине.

– Герр Людвиг, я насчитал только двух убитых охранников, один у машины Посла, другой в машине сопровождения. Двух других просто нет.

– Понятно, – ответил фон Дорн, – что с характером убийств?

– Первая машина Посла просто раскурочена противотанковым снарядом, во всех остальных люди внутри или около машин убиты из огнестрельного оружия. Скорее всего автоматы. У 12 человек контрольные выстрелы в голову. Видимо добивали раненых.

– У нас есть хотя бы количественная рассадка по маши-

нам? Ну кроме машины посла и охраны.

– Да, мы знаем, сколько было человек всего.

– Сколько?

– 61 человек.

– Понятно. А сколько трупов?

– 52

– То есть за минусам Клауса Хасса у нас отсутствует 8 человек. Либо они бежали, либо они участники преступления, то есть сообщники, либо их похитили для каких-то целей. Пойдемте к первой машине.

Они подошли к машине посла. Шедший рядом с германскими сыщиками Шурупов старался просто не мешать.

Пронин и фон Дорн заглянули внутрь перекоренного Майбаха. Два обожженных трупа – водитель и фрау Посол. Один из охранников, обгорелый и без рук лежит около задней дверцы, которой тоже нет. Оторванные руки лежат обугленные на заднем сиденье рядом с головешкой посла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.